

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

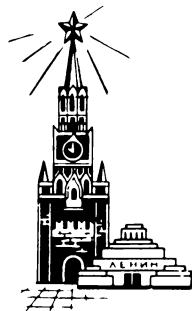
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

4 · 1990

ИЮЛЬ · АВГУСТ

МОСКВА
· НАУКА ·

К ВОПРОСУ О МЛАДОБУХАРЦАХ

Проблема младобухарцев как главной революционной силы и предтечи коммунистического движения в Бухаре относится к одной из самых спорных в истории Средней Азии. Таковой ее признавали еще шестьдесят лет назад¹. Такова она и до сих пор, что подтвердили недавно историки Узбекистана, рассматривая нерешенные вопросы истории партийных организаций на территории Туркестана².

О деятельности и идейных установках младобухарцев был осведомлен В. И. Ленин³, не исключавший позитивную роль младобухарцев в революционном процессе в Бухарском эмирате. Между тем впоследствии, особенно начиная с 1926—1929 гг., эта роль в нашей исторической литературе практически перечеркивалась. Основное внимание уделялось разногласиям младобухарцев и коммунистов, а история бухарской революции представлялась иногда даже как борьба последних с первыми.

Специально посвященных младобухарцам работ нет⁴. Хотя без изучения этого движения не обходится практически ни одно из посвященных истории среднеазиатского региона исследований. Термин «младобухарцы» довольно часто встречается в отечественных и зарубежных энциклопедических справочниках. Но в понимании этого движения имели место взаимоисключающие оценки, что было связано с установившейся в нашей литературе псевдонаучной концепцией исторического процесса, своего рода табу, наложенным на объективное его исследование. Изучая младобухарцев, советские историки не пытались смотреть на них как на разнородное движение, а оценивали как политическую партию, воспитавшую «ренегатов» и «врагов народа» — Ф. Ходжаева, А. Кадыри, А. Фитрата и многих десятков других, погибших в сталинских застенках. После же гражданской реабилитации указанных деятелей (а она фактически завершилась лишь в 1965 г. восстановлением честного имени Ф. Ходжаева) и вплоть до 1988 г., начавшееся объективное исследование скрывается под тем предлогом, что младобухарцы придерживались позиции Бухарина с его особым подходом к путям строительства социализма в нашей стране⁵.

Объяснять жителю Бухары, кто такие младобухарцы, излишне: большая часть представителей этого движения (по некоторым данным, около 3 тыс.) была уничтожена эмирскими палачами. Те, кто смог бежать от террора и вступить в туркестанские организации большевиков, знали о высокой оценке, которая давалась тогда младобухарцам В. В. Куйбышевым и некоторыми другими лидерами большевистской партии. При написании двух работ В. И. Ленин, как считают некоторые исследователи, напрямую основывался на опыте развития младобухарского движения⁶. Важен и другой момент, который нельзя игнорировать. На II конгрессе Коминтерна, где присутствовал делегат младобухарцев А. Пулатходжаев, был обнародован важный ленинский вывод: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое национальное движение может быть *лишь* буржуазно-демократическим, ибо главная масса насе-

Эргашев Баходур Хожикурбанович, кандидат философских наук, доцент Бухарского технологического института пищевой и легкой промышленности.

ления в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. Было бы утопией думать, что пролетарские партии, *если они вообще могут возникнуть в таких странах* (курсив мой.— Б. Э.), смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах»⁷ При рассмотрении вопросов отношения к младобухарцам большевистская партия, естественно, все это учитывала. Отвергать то, что говорил Ленин и что не вызвало возражений, мало кому приходило в голову. Зная об отсутствии подлинно пролетарской партии в Бухаре, большевистское руководство не считало нужным форсировать события. Подчеркивая противоречие ряда идейных установок младобухарцев идеалам научного социализма, большинство партийцев не считало возможным делать далеко идущие выводы. В своих решениях ленинцы исходили из соответствия программы младобухарцев демократической части Программы РКП(б), сосредоточив внимание на всесторонней помощи младобухарцам.

Сегодня разгорается спор: ну, а как виделось В. И. Ленину будущее революционного процесса в Бухаре — быстрым, медленным или непредсказуемым? Ответы даются разные, нередко неожиданные. «Многие ли знают,— пишет, к примеру, известный литературовед Р. Г. Фиш,— что Бухарская и Хорезмская республики были сначала народными, а потом — социалистическими и в этом качестве были упразднены в октябре 1924 года? Решения Сталина по этому вопросу принципиально противоречили позиции Ленина. Вместо исторической правды о становлении Советской власти в Средней Азии преподносилась ложная схема, спрямлявшая зигзаги пройденного пути, стиравшая противоречия, скрывававшая драматизм и трагичность событий. В этой истории победы выглядели так, словно и не были оплачены дорогой ценой»⁸ Обратимся к ленинским высказываниям.

В. И. Ленин говорил об особом государственном статусе Бухарского эмирата, об аннексии Бухары царизмом и Временным правительством. Он сравнивал тогдашнее состояние Бухары с Финляндией, Польшей, Курляндией, Украиной, Хивой, Эстляндией. Вместе с тем образование Бухарской Народной Республики Ленин называл крупным успехом нашей политики на Востоке⁹. Он не исключал медленного и не идеализировал быстрого развития событий в эмирате.

Почему же столь скоротечным оказалось существование Бухарской Народной Республики, завершившееся разделом ее территории между республиками Средней Азии в ходе национально-территориального размежевания. Нередко утверждают, что это было связано со сложными международными условиями. Причина эта действительно одна из главных, но не единственная. Сталин объяснял ситуацию тем, что «это государство пожелало... вступить в Советский Союз в качестве равноправного его члена», что «большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока»¹⁰ Сталину, создававшему унитарное государство, общесоюзную командно-административную систему, нужны были республики или, точнее, подобие республик однонациональных. Бухарская же республика как республика полинациональная не отвечала этим условиям. Другую причину Сталин объяснил на одном из совещаний летом 1924 г.: «... за время своего существования Госбанк Бухары выдал кредитов частным купцам 75%, крестьянским же кооперативам — 2%... Далее: в Бухаре не произведена конфискация земель, но там была произведена конфискация эмирского скота... в пользу крестьян. И что же? По тому же документу оказывается, что конфисковано для крестьян около 2 тыс. голов скота, а из них в руки крестьян перешло всего около 200 голов скота, остальное продано — продано, конечно, зажиточным крестьянам»¹¹.

Понимая сложность революционных преобразований в разных по уровню социально-экономического развития регионах страны, Ленин отмечал осо-

бенности складывавшейся в них формы власти: «Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик — Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян. Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, но не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена, в их руках земля, средства производства. Дружественные отношения крестьянско-советских республик с Российской социалистической республикой уже закреплены практическими результатами нашей политики»¹². Ленин особо выделял БНСР из указанной группы республик: «... нельзя ли **дорисовать**, — писал он в Управление делами СНК, — на этой же карте хотя бы *зелеными* чертами и *зеленой штриховкой* границы теперешние... (δ) Средняя Азия, Бухара...»¹³. Не лишено интереса, что подпись Ленина стоит и под союзным договором между РСФСР и БНСР¹⁴, где первая сторона признает полную независимость второй. О полной независимости БНСР Ленин пишет и в других документах¹⁵.

Таким образом, В. И. Ленин явно склонялся к выводу о терпеливом ожидании вызревания революционного процесса в Бухаре. К сожалению, в известных работах по истории Бухарской революции неполно показано отношение Ленина к событиям того времени в Бухаре. При этом некоторые авторы (Х. Т. Турсунов, А. В. Макашов)¹⁶ относят эти ленинские высказывания к «социалистическому» направлению развития революционного процесса, а другие (А. И. Ишанов)¹⁷ — к «народно-демократическому», к младобухарцам.

Вместе с тем довольно распространенным был взгляд на младобухарцев как на тайное общество, стремившееся к «приобщению народа к знаниям и образованию, всесторонней помощи стремящимся к образованию, распространению среди народа газет, журналов и другой литературы»¹⁸, как на представителей торгового капитала¹⁹.

Некоторые историки, напротив, ясно говорили о младобухарцах как предтече коммунистического движения в эмирате²⁰. Другие, также касаясь периода до народной революции 1920 г., отделяли младобухарцев и от джадидов, и от коммунистов, утверждая, что младобухарцы — движение особое²¹. Наконец, существовала тенденция вообще отрицать младобухарцев как самостоятельное политическое течение, видя в них лишь джадидов, стремящихся «европеизировать» бухарский азиатский деспотизм²². Характерно, что в годы культа Сталина существование младобухарцев вообще отрицалось. Но если раньше не проводилось грани между джадидами и младобухарцами, то в последнее время, как правило, игнорируется преемственность между туркестанскими и бухарскими джадидами.

Вообще же в вопросе о времени преодоления младобухарцами ограниченности джадидизма ученые сильно расходятся. В новейшей энциклопедической литературе, в работах А. И. Ишанова и других исследователей становление младобухарцев как самостоятельного движения датируется примерно мартом 1917 — осенью 1920 г. Однако такой взгляд не является общепринятым. С. Айни и ряд других авторов отодвигают исходную дату этого процесса к началу XX, а то и к концу XIX в., доводя этот этап до времени А. Дониша. По словам С. Айни, А. Дониш был «подготовителем научной и общественной революции»²³. При этом автор оговаривался, что и после Дониша оппозиционная идеология набирала темпы: однако, по существу, это время как бы исключалось из истории прогрессивной общественно-политической мысли Бухарского эмирата.

Другие исследователи смотрят на этот вопрос иначе. Г. Туркестанский писал о бухарских джадидах периода после первой русской революции, Б. Г. Гафуров — о бухарских джадидах от А. Фитрата до Великой Октябрьской революции. Вместе с проникновением в Среднюю Азию большевистских

идей (1903—1907 гг.) джадидизм, по его мнению, несмотря на просветительство, все больше «разоблачает себя как контрреволюционная и реакционная политика»²⁴ В отличие от этих авторов М. Г. Вахабов и другие исследователи полагают, что младобухарцы появились лишь в 1914—1915 гг., и утверждают, что до первой мировой войны бухарские джадиды не ставили перед собой даже минимальных политических задач²⁵ Литературовед Э. А. Каримов считал младобухарцев «реалистами», «просветителями», справедливо выделяя в движении демократическое течение. Такой подход верен, но содержащиеся в книге признания просветительства в Узбекистане как «предопределяющегося наличием прогрессивной идейно-эстетической традиции», т. е. отрицание его как категории конкретно-исторической, вызывает серьезные возражения²⁶

Противоречит историческому подходу и мнение А. Алиева, оценивавшего произведения А. Фитрата как далекие от политики и имеющие лишь эстетическую ценность²⁷ Крен в сторону внеполитической оценки младобухарцев заметен и в статье А. Н. Самойловича²⁸. Хотя следует признать, что большинство советских ученых (как правило, обществоведы) никогда не преувеличивали значение просветительно-гуманитарной деятельности младобухарцев.

Широко распространено в литературе мнение, что «младобухарцы» произошли от «джадидов» (как издавна принято называть соответствующее социальное движение в Туркестане начала XX в.). Разграничение же этих движений необходимо, ведь даже само слово «джадидизм» сейчас трактуется иначе, чем 80 лет назад, мешая уяснению сущности того идейного течения, которому оно дало имя²⁹

Некоторые авторы пытались доказать специфичность младобухарского движения, ссылаясь на социально-экономическую отсталость Бухарского эмирата. Таким путем они намеревались избежать нивелировки всех разновидностей джадидизма. Но подобный подход привел лишь к новым расхождениям. Так, С. Айни пришел к выводу, что, поскольку младобухарцы «боролись за джадидские школы, они назывались джадидами. Поскольку целью этого общества были прогресс и движение, и руководителями его были молодые люди, они сами называли себя младобухарцами (подобно младотуркам)»³⁰ Джадидизм же, по его мнению, был преодоленным этапом развития младобухарского движения. И. С. Брагинский, напротив, утверждает, что «социально и идеологически джадидизм в Бухаре ничем не отличался от джадидизма во всей Средней Азии»³¹ Решительно против какого бы то ни было умаления ограниченности джадидизма выступил М. Г. Вахабов³² Проблема джадидизма в 60-е гг. была предметом научной дискуссии³³

Думается, термин «младобухарцы» более точно выражает суть явления, четко отделяя прогрессивное социальное движение от движения, открыто выражавшего свое несогласие с марксизмом³⁴ Игнорирование этого различия мешает объективному исследованию.

Надо сказать, что в ряде новых работ звучат призывы «предотвратить односторонность в оценке движения джадидов, выяснить роль этого течения, учитывая конкретно-исторические условия». Отмечается также, что умерщвленный в 1919 г. бухарским эмиром глава туркестанских джадидов М. Бехбуди был «пропагандистом нового знания и просвещения, борцом за признание благотворного влияния русских рабочих на народы Средней Азии»³⁵. Не вызывает сомнения тот факт, что позиция среднеазиатских джадидов была кадетской³⁶

Джадидизм возник не в начале XX в., как считают многие, а гораздо раньше. Поскольку школа была неотъемлемой частью мусульманской церкви, ислам использовал обучение детей для освящения существующего общественного строя. В условиях проникновения капиталистических отношений в Туркестан, отражая потребности социально-экономического развития, реформаторы мусульманских школ выдвинули обширную программу преобразования школы, противопоставив всесилию религиозных дисциплин дисциплины свет-

ские, полагая, что прогресс нации будет достигнут путем ее приобщения к передовой науке и знанию, а не благодаря овладению сурами Корана. Под «усули джадид» («джадидским методом») понималось введение в обучение естественнонаучных дисциплин, использование в преподавании наглядных пособий, улучшение гигиенических условий в школах, переход учащихся с пола на парты, отопление классов, введение перемен между занятиями, искоренение телесных наказаний и т. д.

Джадидизм стал ареной столкновения разных философий: для светских и духовных феодалов источником истины был калам³⁷, а для джадидов — позитивизм, в частности, в его ранней форме³⁸. Джадидизм приводил к достаточно внушительной ломке традиционных идеалистических систем. Он не отбрасывал напрочь и материалистические идеи. Выступая за реформу овеянного столетиями образования, за создание театральных трупп, за возможность мусульманину иметь дело с банковским и финансовым капиталом, джадиды тем самым отвергали право ислама на истину в последней инстанции, фактически ниспровергая некоторые его догматы, признавая особую роль наук (математики, географии, грамматики и др.). Прагматический и идеологический аспекты джадидизма, таким образом, находились в неразрывном единстве и тесном взаимодействии. Уяснение этой связи позволяет подойти к оценке джадидизма конкретно-исторически.

М. Бехбуди в издаваемом им журнале «Зеркало» писал: «... вы, уважаемые, должны стараться обучать своих детей современным знаниям, чтобы они служили религии и нации, а служба нации и религии возможна лишь знаниями и деньгами»³⁹. Цели эти буржуазны по своему характеру. Они свидетельствуют о противоречии идеологии джадидов феодально-клерикальным воззрениям. Приобщение к интеллектуальному прогрессу, национальное процветание, экономический рост джадиды, как и многие другие буржуазные просветители, считали главными направлениями своей деятельности.

И в ортодоксально-исламском, и в самом джадидском понимании словом «джадидизм» обозначалось определенное мировоззрение. В мыслях тех, кто считал себя сторонником джадидских идей, джадидизм означал рационализацию отношения человека к действительности, регулирование взаимоотношений и поведения людей, передовые эстетические идеи. Джадидская политика конца XIX в. отстаивала право человека на законодательно обеспеченную свободу слова, печати, совести, неприкосновенность личности.

Джадидизм, таким образом, объективно противостоял важным устоям феодализма и колониализма и в этом отношении имел прогрессивный характер. Вопреки традиционному исламу он стремился видоизменить некоторые законы мусульманской веры, приспособив религию к задачам экономического прогресса. Требование освобождения местного рынка от сковывавших его пут неизбежно приводило к лозунгам национального и социального освобождения — требованиям создания органов местного самоуправления, национальной печати, искоренения межрелигиозной розни, защиты прав представителей коренных наций. Не случайно джадидизм воспитал таких прогрессивных представителей местной интеллигенции, как Хамза, Айни, Авлони, Шермухамедов и др.

Выставляя требование заменить «устаревшие» порядки «полезными», джадидская идеология стала мощным средством борьбы против отживших социально-экономических условий. Она подготавливала национальные умы к социальным реформам, расчищая путь для усвоения и других прогрессивных идей, в том числе большевизма.

Реформаторские устремления джадидов ярко проявились еще в деятельности татарских просветителей XIX в. «... Татарские интеллигенты в литературном и политическом отношении принадлежат теперь к передовым элементам ислама, к его самым энергичным и влиятельным приверженцам, — писал исследователь Отто Гётц, книгу которого „Русский Туркестан и тенденции современной русской колониальной политики“ конспектировал В. И. Ленин.—

И прежде всего им обязан ислам своим внутренним и внешним усилением и своим культурным ростом... Русское правительство боится этого проникновения татарских приверженцев ислама и по возможности не пускает их в Туркестан»⁴⁰

Идеи татарских просветителей стали широко известны и в Бухарском эмирате. Для их восприятия здесь существовали необходимые экономические и идейные предпосылки. Но на пути передовой мысли стояли феодальная верхушка и мусульманское духовенство — оплот существующего строя. Огромным массам бухарцев они все еще казались вечными. Показать, что в новых исторических условиях этот оплот изживает себя, и предстояло младобухарцам.

Всеобщий духовный кризис, наступивший с началом первой мировой войны, ознаменовался изменением отношения ко многим традиционным формам общественного сознания. Оно освобождалось от казенщины, догматизма, элитарности. Шел процесс расчистки путей для восприятия новых идей и представлений. По словам Ф. Ходжаева, младобухарцев «уже более не удовлетворяла прежняя мечтательность джадидов, не выходящая из рамок узкого культурничества, замкнутая внутри стен Бухары. Они требовали выдвигания политического момента, точной формулировки политических задач»⁴¹

Традиционная система религиозного обучения, механизм политической жизни, постулаты официальной идеологии подвергались младобухарцами критическому пересмотру. Все низвергнутое в передовых мусульманских странах (Египет, Турция и др.) объявлялось порочным и требующим уничтожения. Младобухарцы противились распространению среди революционно настроенного бухарского народа легенд «разного рода анбаров и абдуразаков»⁴², писал один из очевидцев тех дней, говоря о борьбе с самими консервативными представителями духовенства, позиция которых в конце 1916 г. отразилась в листовках, расклеенных на улицах Бухары. «Появившиеся новые джадиды, — писалось в них, — развращают ваших детей, никто не должен учить у них детей. Кто начнет учиться, того мы убьем. Джадиды пусть не проводят собраний, а если они будут собираться, мы им оторвем головы. Джадиды не соблюдают религиозных ритуалов, не ходят молиться, не держат уразу, не дают закят, они кяфиры, пустить их кровь — святое дело...»⁴³ Именно такие обвинения и угрозы заставили младобухарцев отнести своих противников к лагерю «кадимистов» («старофилов»). Становилось ясно, что интересы идейных противников стали непримиримыми. Острие борьбы направлялось уже против высших религиозных чинов, хотя даже в пылу критики никто пока не смел поднять голоса против высшего лица в государстве.

В семейно-бытовых отношениях протест выражался в отрицании глубоко неравноправного положения женщины. Такая позиция не только противостояла традиционной иерархии в восточном доме, но фактически была направлена против ряда догм господствующего ислама. Говоря о программе ведущего идеолога младобухарцев А. Фитрата в указанной области, советолог Э. Каррер д'Анкосс пишет, что она представляла собой радикальный отбор, разрыв с прошлым⁴⁴

Таким образом, для начального периода существования младобухарцев характерны просветительские идеи с их антиконсервативной направленностью, с их неприятием морально разложившейся религиозной верхушки, с их опорой на светские науки. Эти черты и составляют характер движения за создание нелегальных «новометодных» школ.

Под влиянием сведений о резком подъеме сельского хозяйства в Египте и Турции по мере развития движения основное внимание младобухарцев стало сосредотачиваться прежде всего на разрешении земельно-водного вопроса⁴⁵ Постановка и обсуждение этой задачи было главной заслугой младобухарцев. По отношению к ней стали оценивать степень прогрессивности того или иного течения в идеологии национально-освободительного движения в эмирате.

Непосильные налоги губили кишлаки. Против них и боролись младобухар-

цы. «В их новых требованиях,— писал Ф. Ходжаев,— уже ясно звучали мотивы народничества. Они предлагали бороться... за облегчение тяжелой доли дехканства. Они критиковали деятельность чиновников...»⁴⁶ Младобухарцы порицали раздутость и никчемность государственного аппарата, всепоглощающую власть коррупции, равнодушные к людям, строго иерархическое отношение чиновников к подчиненным, отсутствие у них моральных норм и принципов. Критиковались неподотчетность администрации обществу, тайна цивильного листа эмира и зарплаток высших чинов, отсутствие гласности в работе государственных органов, всевозможные поборы и вымогательства.

Уничтожение этих явлений младобухарцы также считали своей задачей. Они боролись за создание кабинета министров с подотчетными ему низестоящими органами. Об этом говорилось в принятом в конце 1917 г. «Проекте реформ в Бухаре Комитета младобухарцев»⁴⁷ До того упомянутые идеи обсуждались на страницах татарских изданий «Ялт-Юлт», «Вақыт» и «Шура», крымско-татарского «Терджимана», туркестанской «Ойны», азербайджанского «Моллы Насреддина»⁴⁸

По-иному они подходили и к вопросам морали. Вместо утраченной проповедовалась новая нравственность, якобы восходившая к раннему исламу. Мусульманскую религию предлагалось сочетать с развивавшейся европейской наукой. Распространялись идеи о добре как стремлении человека творить на свое благо, которое в сумме дает благо обществу⁴⁹

Младобухарцы вплотную занимались и вопросами воспитания. Стала популярной идея поддерживавшего младобухарцев муфтия Икрама об ориентации лишь на изначальные принципы ислама, о необходимости для учителя таких норм, как честность и порядочность⁵⁰ Такой подход противоречил культивировавшимся в Бухаре порядкам.

Сила ума представлялась «новометодникам» бескрайней. «Разум дан человеку сполна и приобретенно,— писал, к примеру, М. Сираджиддин,— но учением, зрением и опытом данное состояние ума можно прибавить»⁵¹ Одной из отличительных черт младобухарцев является страстная пропаганда ими науки. «Наука — причина процветания государства. Наука — причина прогресса народа. Наука — это то могучее средство, наличие которого довело диких американцев до настоящей степени цивилизации и величия и отсутствие которого скоропалительно ввергло просвещенных персов в состояние униженности и посрамления»,— утверждал А. Фитрат⁵² Прогрессирующее общество, считали младобухарцы, должно впитывать в себя все передовое, в том числе и в политической сфере. Отсюда столь частая для них апелляция к опыту младотурков. С позиций младобухарцев, эмир должен был продолжать выполнять свои функции, освободившись от скомпрометировавших себя зверствами и вымогательством чиновников. Такая позиция могла расшатать общественный строй, хотя и не мешала воспроизводству основных его компонентов.

В отличие от младотурков, являвшихся выразителями интересов буржуазии, младобухарцы опирались на обуржуазившихся бухарских купцов и простой народ. Задающей тон силой в революционно-освободительном движении Бухары были торговцы, видевшие преимущества передовых производственных отношений за рубежом. Молодые, образованные и быстро вошедшие во вкус революционной борьбы либерально мыслящие выходцы из богатых семей (Ф. Ходжаев, братья Мухитдиновы и Пулатходжаевы и др.) стали лидерами движения.

С. Айни писал, что младобухарцы выражали интересы большинства — «класса бедняков, различных ремесленников. И, хотя среди них были выросшие в купеческих домах, эти люди были теми, кто бросил собственное благополучие, самоотверженно и героически сражаясь во имя освобождения, стали искренними революционерами. Среди младобухарцев можно было встретить узбеков и таджиков, туркмен и арабов, иранцев и евреев...»⁵³ Ф. Ходжаев также отмечал, что младобухарцы стали «проникать в подлинно трудовые массы: кустарей, солдат, отчасти крестьян»⁵⁴. Мысль об объединении всех

общественных сил и наций, разделенных по сословному и религиозному принципу, претворилась у младобухарцев в мысль о едином фронте против абсолютизма. Они начали пропаганду равенства — равенства суннитов и шиитов, бедных и богатых, русских и мусульман, живших в невыносимых условиях. Это сыграло значительную роль в борьбе против старого строя с его социальными, религиозными и национальными порабощением.

Призывы к равенству и справедливости особенно громко звучали накануне Февральской революции в России. Свержение самодержавия в метрополии отозвалось в Бухарском эмирате возросшим стремлением к демократическим переменам. Один из бухарцев писал в самаркандскую газету «Хуррият» («Свобода»): «В России произошла революция, которую мы с нетерпением ждали на протяжении долгих лет. Нам предоставлены свобода и права! Теперь мы смело можем говорить и писать. Если мы будем говорить и писать правду, нам теперь не заткнут рот, не вырвут из рук перо. Наши требования будут выслушаны. Когда мы пожалуемся на боль, от нас не утаят лекарства»⁵⁵

Вплоть до конца 1919 г. младобухарцы стремились подражать младотуркам, власть которых к этому времени, как известно, пала. Но при всей схожести этих общественно-политических движений между ними было много различного. Либеральное оппозиционное течение в Бухаре развивалось в условиях социально-экономической отсталости, большой пассивности масс, наличия тяжелой формы колониальной зависимости. На передний план выдвигались социальные аспекты борьбы: земельно-водный вопрос, борьба со зверствующим чиновничеством, критика тирании. Мотивы уничтожения мракобесия были основополагающими: нигде более, за исключением Саудовской Аравии, мусульманство не представляло такой силы, как в Бухаре. Власть ислама была столь велика, что младобухарцы в поисках поддержки снизу должны были говорить от имени Бога, надеясь, таким образом, быстрее посеять в надежде революционные идеи.

После Февральской революции в России произошло расчленение младобухарцев на республиканцев и монархистов. Ф. Ходжаев вспоминал: «Отошли от движения, конечно, еще более далекие от подлинной революционности, даже подлинного либерализма круги, связанные с духовенством, с Икрамом во главе. В их реформаторские планы совершенно не входила открытая борьба, вплоть до свержения эмира»⁵⁶

Начиная с весны 1918 г. революционное направление окончательно укрепилось в качестве ведущего в идеологии национально-освободительного движения. Это направление включало в себя почти все младобухарские группы, в том числе и образовавшуюся в это время марксистскую (во главе с А. Якубзаде). Подобно младотуркам, младобухарцы стали уделять первостепенное внимание агитации в правительственных войсках. Их открытое сопротивление политике эмира и клерикалов становилось бесповоротным. Необходимость свержения существующего строя стала главным лозунгом. Хотя сохраняли силу и позиции традиционные: сохранение шариата в качестве основы государственного устройства, преимущественное внимание развитию просвещения, сохранение суверенной государственности. Ряд либералов (Фитрат и др.) перешли на сугубо культурно-просветительскую работу. Просветительские черты характерны и для листовок Туркбюро младобухарцев-революционеров («Воззвание к бухарскому войску», «Угнетенные народы Бухары!»).

Группа Ф. Ходжаева была наиболее организованной в младобухарском движении. Она старалась собрать вокруг себя широкие социальные силы, подготавливала почву для восприятия идей социализма. «В то время,— отмечает М. Г. Вахабов,— бухарские коммунисты по своему политическому и теоретическому уровню, по опыту работы и социальному составу фактически не отличались от остальных младобухарских групп. Полностью признавая Программу РКП(б), они еще не имели широкой базы среди трудящихся и демократически настроенных групп интеллигенции, мелких чиновников и в особенности среди крестьянства»⁵⁷

Изменялись и философские взгляды младобухарцев. Для поздних младобухарцев был характерен уже воинствующий антиклерикализм и даже атеизм. Религия уже не считалась мерилем всех ценностей⁵⁸ Младобухарское движение на последнем этапе своего существования уверенно оперировало положениями научного социализма. Его сила опиралась на выдвинутую Лениным идею широкого народного фронта в отсталых странах. Последняя крупная младобухарская группа — Туркестанское центральное бюро младобухарцев-революционеров во главе с Ф. Ходжаевым — апеллировала к низам, отвергнув идею какой бы то ни было монархии⁵⁹

Видя в народной демократии лучшее благо, младобухарцы сделали ее достижение главной целью своей пропаганды. Накануне антимонархического переворота 1920 г. в Бухаре младобухарцы были авангардом революционного движения.

Деятельность младобухарцев-революционеров разворачивалась в основном в условиях эмиграции. Пропаганда большевистского опыта, разоблачение территориальных притязаний империализма, популяризация собственного политического видения, деятельность печатных органов, создание военизированных отрядов из представителей населения Бухары — вот самые общие направления работы действовавших в 1918—1919 гг. в Москве двух младобухарских групп⁶⁰

Направления эти стали чрезвычайно плодотворными и велись при активном содействии советских, партийных органов Москвы и Ташкента. Никогда раньше младобухарцам не уделялось столько внимания и не оказывалась такая помощь. Никогда прежде слово «младобухарец» не было так знакомо населению и не вызывало столь яростной реакции феодалов и церкви. Все это позволяет говорить о послеоктябрьском периоде как пике развития младобухарского движения.

Базируясь на прошлой деятельности младобухарцев, группа Ф. Ходжаева вышла из ее рамок. Деятели Туркестанского бюро составили программу, резко отличавшуюся от прежних программ младобухарцев. Это стало возможным благодаря школе московской эмиграции. «Внешне усвоившим коммунистическую веру» называл Ф. Ходжаева В. В. Куйбышев⁶¹ В этой характеристике отмечена роль Ф. Ходжаева как революционера, т. е. младобухарца последнего поколения, когда позади остался джадидизм и младотурецкий опыт, отвергнута буржуазная модель демократии для Бухары и помощь империалистов в деле ее освобождения, поставлена новая и принципиально иная цель — создание народной республики с передачей власти Советам.

Коллективным пропагандистом и агитатором младобухарцев-революционеров стала газета «Учкун» («Искра»). Никогда ранее — ни в газете «Бухорон шариф» («Благородная Бухара»), ни в выходившей одновременно газете младобухарцев-коммунистов «Кутулуш» («Освобождение») — программа общественных преобразований, предлагаемая читателю, не была столь глубокой по тактическому замыслу и реалистичной.

Вместе с революционным направлением оставалось внушительным либеральное. Для него характерно неприятие республиканского образа правления, преимущественный упор на просвещение, отстаивание реформаторского пути развития. Опорой этого движения были интеллигенты и муллабачи.

Надо сказать, что разногласия между участниками младобухарского движения часто не носили принципиального характера и имели оттенки групповой борьбы. Рядовые участники разраставшегося движения по уровню образования и навыкам политической борьбы отставали от лидеров. Шла взаимная борьба групп, иногда ничего общего с политическими целями не имевшая. Их члены постоянно переходили из одной группы в другую. Например, левозероуская группа насчитывала всего лишь около 90 человек. Для некоторых участие в движении, получавшем финансовую помощь от туркестанских коммунистов, было средством существования. Другие же, учуяв политическую конъюнктуру, пытались обеспечить себе получение в будущем государственной должности. На

характер взаимоотношений различных групп оказывали влияние и родственные отношения.

Участникам движения не удалось установить глубоких связей с народом. С. Айни считал, например, что «толща народная была затронута младобухарцами слегка и идеи, брошенные ими в народ, были подобны траве, посеянной на песке, они готовы были улететь при первом ветре»⁶².

Младобухарцы-революционеры были в гуще борьбы за социальное и национальное освобождение, за процветание родины. Они добивались создания «Демократической Трудовой Бухарской Республики», защиты интересов эксплуатируемых, очищения мусульманского правосудия от поборов, привлечения к управлению республикой представителей всех наций и народностей пропорционально их численности в составе населения, передачи дехканам земель скомпрометировавших себя чиновников. По словам Ф. Ходжаева, их программа отличалась «радикальностью и практицизмом»⁶³. Видимо, во многом благодаря этому, правительство Бухарской Народной Советской Республики по своему составу было младобухарским (6 членов из 9). Младобухарцами были председатель и назир иностранных дел Ф. Ходжаев, назир финансов У. Пулатходжаев, назир внутренних дел М. Саиджанов, назир юстиции М. Бурханов, назир земледелия А. Мухитдинов, назир просвещения К.-Ю. Пулатов.

Очевидна связь между младобухарцами и коммунистами в эмирате. Младобухарцы подвели массы к государственному перевороту и сделали реальным создание народной демократии. Коммунисты же возглавили строительство нового общественного строя.

Исследование деятельности младобухарцев позволяет внести коррективы в периодизацию национально-освободительного движения и существования Бухарской Народной Советской Республики. Имеющиеся точки зрения на этот счет основываются на фактах вхождения Бухарской Коммунистической партии в состав РКП(б) в феврале 1922 г. или июньского (1923 г.) Пленума ЦК БКП с его коренной реорганизацией власти⁶⁴. При этом часто недооценивают роль и позицию Ленина в указанных событиях. Представляется важным научно осмыслить ленинские выводы о буржуазно-демократическом движении и крестьянских Советах, о коммунистических партиях в освободившихся странах, о «полной независимости» БНСР, о равноправных взаимоотношениях ее с Советской Россией, что имеет прямое отношение к периодизации истории Бухары первой четверти XX в. На наш взгляд, учет ленинских оценок позволяет рассматривать период от 1908 до конца 1919 г. как период становления революционного этапа, а время до лета 1923 г. (полного ухудшения здоровья Ленина) — как этап реализации идейных установок младобухарцев. При этом следует иметь в виду негативную роль Сталина в принятии ряда решений по вопросам, касающимся взаимоотношений Советской России с Бухарой⁶⁵.

Нужно добавить, что сегодня мало говорить о времени перехода БНСР на социалистический путь развития. Нужно говорить и о приемлемости для того периода курса на социализм, а также о целесообразности последующих национально-государственных изменений. Никто из исследователей не касался и вопроса о противодействии бывших младобухарцев (во главе с Ф. Ходжаевым) сталинским планам общественных преобразований в Бухаре.

Младобухарцы организационно существовали до конца сентября 1920 г., вступив затем всем составом в Бухарскую компартию. Вместе с тем по мере ухудшения состояния здоровья Ленина нарастали разногласия в центральном аппарате большевистской партии и государства по вопросу взаимоотношений с Бухарой. После июня 1923 г. многие бывшие младобухарцы были отстранены от управления республикой или даже изгнаны из нее. Ф. Ходжаев и его сторонники продолжали настаивать на одобренном Лениным курсе. Ну, а правы ли были некоторые бывшие младобухарцы, утверждавшие, что содержание частей Красной Армии в БНСР разорительно, возражавшие против координации действия экономических органов Бухары и Туркестана, препятствовавшие унификации денежных единиц республики и СССР, доказывавшие важность сохра-

нения национально-государственной самостоятельности народной республики? Все это требует специального научного исследования.

История Бухары начала XX в. дает основания полагать, что джадидизм в Бухаре был иным, нежели в соседнем Туркестане, как в смысле характера, так и в смысле итогов его развития. Основной период деятельности младобухарцев, за которой внимательно следил Ленин, характеризуется их борьбой с тиранией и мракобесием, опирающейся на помощь большевиков. Обращение к русским коммунистам объяснялось падением авторитета капиталистических стран в глазах народов Востока, силой и мощью бухарского режима.

Так же, как джадидизм Туркестана основывался на идеях И. Гаспринского, младобухарцы имели предтечу в лице лучших представителей оппозиционной идеологии бухарского эмирата. Одним из них был А. Дониш. Вопрос о распространении революционных и социалистических идей в эмирате в конце XIX в. в настоящее время продолжает разрабатываться учеными⁶⁶

Современный уровень исследований позволяет выделить четыре этапа развития идеологии национально-освободительного движения в БНСР: I этап — конец XIX в. — февраль 1917 г. II этап характеризуется пересмотром ряда реформаторских идей. III этап — март 1918 — конец 1919 г., время кризиса движения младобухарцев, раскол их на группы вследствие неудачи антиабсолютистского восстания, истребление основных сил младобухарцев, переход оставшихся на нелегальное положение, создание в условиях эмиграции марксистской группы. IV этап продолжается до сентябрьского переворота 1920 г. За это время младобухарцы стали самой влиятельной оппозиционной силой.

Интересно, что идея свержения монархии имела хождение в Бухаре уже в 1910 г. Младобухарцы пришли к ней лишь весной 1918 г. Справедливости ради необходимо отметить факты сотрудничества ряда бывших младобухарцев с эмиратом даже после его свержения. Это сотрудничество привело в конце концов к бегству У. Пулатходжаева в стан свергнутого монарха. Но, давая оценку младобухарцам в целом, было бы неправильным эти факты выдавать за проявление сущности движения и не замечать той роли, которую сыграли младобухарцы в победе сентябрьского переворота. Подчеркнем и сохранившуюся до наших дней ценность поиска младобухарцами оптимального варианта достижения политических целей, их способность к восприятию альтернативных теоретических и практических ценностей, пропаганду ими демократии как универсальной ценности, их неистовое и доходящее до самопожертвования просветительство, бережное отношение к национальной самобытности, молодость мысли и энергию.

За последние тридцать лет интерес к младобухарцам неуклонно возрастает. Не только в научной, но и в художественной литературе затрагиваются вопросы их деятельности. Задача полномасштабного исследования истории движения младобухарцев давно назрела.

Примечания

Ходжаев Файзулла. О младобухарцах // Историк-марксист. 1926 г. Т. 1.

² Коммунист Узбекистана. 1987. № 12. С. 46.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. В 12-ти т. М., 1978. Т. 9. С. 165.

⁴ Исключая упомянутую статью Ф. Ходжаева и работу историко-философского характера: Эргашев Б. Х. О сущности и развитии антифеодальных взглядов младобухарцев // Общественные науки в Узбекистане. 1988. № 8. С. 59—63.

⁵ См подробнее: Сафаров Р. Файзулла Ходжаев // Правда Востока (Ташкент). 1988. 15 мая.

⁶ См об этом: Ишанов А. И. Роль Компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа. Ташкент, 1979. С. 25; Гусев К. В., Полужкина В. А. Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий. М., 1983. С. 68 и др.

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 243.

⁸ Фиш Радий. Правда революции и националистическая мифология // Наука и религия. 1988. № 11. С. 4.

⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 34; Т. 27. С. 302; Т. 32. С. 16; Т. 42. С. 132.

¹⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 136—137.

¹¹ Там же. Т. 5. С. 332.

¹² Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 132.

¹³ Там же. Т. 52. С. 35—36.

¹⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 190.

¹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 94; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 311.

¹⁶ Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Образование и деятельность Бухарской Коммунистической партии. Ташкент, 1983.

¹⁷ Ишанов А. И. Указ. соч.

¹⁸ Самойлович А. Н. Первое тайное общество младобухарцев // Восток. М., 1921. № 1.

¹⁹ Туркестанский Г. Кто такие джаиды? Ташкент, 1926. С. 20. Так автор определяет джаидизм вообще, джаидизм с политической точки зрения, оговариваясь, что в общем смысле к нему можно отнести и движение за просвещение народных масс. Однако, несмотря на сделанную оговорку, об идейных установках джаидов говорится как о сугубо реакционных. Интересно, что О. Гловацкий в условиях, когда вульгарно-социологический подход набирал силу, пришел к противоположным выводам, заявив что «можно и нужно провести известную линию, водораздел между джаидами и младобухарцами», что «джаидизм (на бухарской почве.— Б. Э.) представлял собой прогрессивное движение и делал революционное дело, борясь, хотя бы и робко, против феодализма и российского владычества» (Гловацкий О. Революция побеждает. Экономические и политические предпосылки Бухарской революции 1920 года. Ташкент. 1930. С. 31). Л. И. Климович считал несовместимыми идеи бухарских джаидов и коммунистов (Климович Л. И. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936).

²⁰ Айни С. Материалы по истории Бухарской революции. М., 1926 (на узб. яз.).

²¹ Ходжаев Файзулла. Указ. соч.

²² Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане // Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М., 1949. С. 607.

²³ Айни С. Указ. соч. С. 20. См. также: Lazzerini E. J. From Bakhchisarai to Bukhara in 1893: I. Gasprinski's Journey to Central Asia // Central Asian Survey. 1984. № 4. P. 82. Интересно, что Ф. Ходжаев отмечал в одной из своих работ: «В отличие от Айни, у которого выходит, что все началось внезапно, как по мановению волшебной палочки, от того, что идея джаидизма взбрела в голову Ахмада Дониша, мы считаем необходимым начать именно с той обстановки, с тех экономических, культурных и политических предпосылок, на фоне которых и благодаря которым развился джаидизм» (Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии // Избранные труды. В 3-х т. Ташкент, 1970. Т. 1. С. 79).

²⁴ Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. В 2-х т. М., 1949. Т. 1. С. 450.

²⁵ Вахабов М. Г. Файзулла Ходжаев // Революционеры, вожаки масс: Сб. ст. Ташкент, 1967. С. 363.

²⁶ Каримов Э. А. Развитие реализма в узбекской литературе. Ташкент, 1975. Надо сказать, что указанная точка зрения автора во многом преодолевается в другой его работе — «Реализм узбекской демократической литературы» (Ташкент, 1986. С. 11).

²⁷ Алиев А. Литературное наследие и современность. Ташкент, 1983 (на узб. яз.).

²⁸ Самойлович А. Н. Первое тайное общество младобухарцев // Восток. 1921. № 1.

²⁹ «Джаид» в переводе с арабского означает «новый».

³⁰ Айни С. История Бухарской революции. Душанбе, 1987 (на тадж. яз.).

³¹ При этом И. С. Брагинский ссылается на позднее высказывание С. Айни: «Из-за уважения ко мне не искажайте историческую действительность; из-за того, что я, бывший джаид, стал проповедником коммунизма, не обеляйте джаидизма! Он был и остается реакционной идеологией. Не потому часть джаидов пришла к революции и Советской власти, что их вел к этому якобы джаидизм. Джаидизм уводил их от революции, и только, порвав с ним, преодолев его, они встали на позиции борьбы за интересы народа» (Брагинский И. С. О природе среднеазиатского джаидизма в свете литературной деятельности джаидов // История СССР. 1965. № 6. С. 38).

³² Вахабов М. Г. О социальной природе среднеазиатского джаидизма и его эволюции в период Великой Октябрьской революции // История СССР. 1963. № 2.

³³ Правда Востока. 1956. 19 октября; История СССР. 1964. № 4; Central Asian Survey. 1983. № 4. P. 67.

³⁴ См.: Хуршид (Ташкент). 1906. 1 октября.

³⁵ Юсупов Э. Б. Правда истории и задачи времени // Советский Узбекистан. 1988. 29 января (на узб. яз.).

³⁶ М. Бехбуди так и писал: «Только благодаря партии кадетов в России возможно обеспечение благополучия и спокойствия» (Хуршид. 1906. 1 октября).

³⁷ Калам — теоретическое мусульманское богословие, опирающееся на формально-логические доводы.

³⁸ О связях джаидизма с позитивизмом см.: Муминов И. М. Избр. произв. В 4-х т. Ташкент, 1976. Т. 2. С. 212.

³⁹ Ойна (Самарканд). 1914. № 21. С. 391 (на тадж. яз.).

⁴⁰ Цит. по: Ленин В. И. ПСС. Т. 28. С. 513, 515.

⁴¹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. С. 94.

⁴² Р. М. Революционная таджикская литература // Просвещение и учитель. 1928. № 11. С. 45 (на узб. яз.).

⁴³ Шура (Оренбург). 1917. № 2. С. 26.

⁴⁴ D'Ессосе Н. С. Abdalrauf Fitrat's revivalism // Central Asia: A Century of Russian Rule. N. Y.: L.: Columbia University Press. 1967. P. 204—206.

⁴⁵ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре... С. 124.

⁴⁶ Там же. С. 94.

⁴⁷ Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. В 4-х т. Т. 3. М., 1930. С. 353—360.

⁴⁸ Турдыев Ш. Благотворные влияния. Ташкент, 1977. С. 87 (на узб. яз.); Страницы азербайджанско-узбекских литературных взаимосвязей: Сб. ст. Баку, 1985. С. 162—173; Климович Л. И. На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете «Терджиман» и ее издатель И. Гаспринском // Звезда Востока (Ташкент) 1987. № 8. С. 173—179 и др.

⁴⁹ Фитрат. Рассказы индийского путешественника. Самарканд. 1913; его же. Восточная политика. Ташкент; Издательство Комитета младобухарцев. 1919 (на узб. яз.); его же. История ислама. Самарканд. 1915 (на тадж. яз.).

⁵⁰ Умняков И. И. К истории новометодной школы в Бухаре // Бюллетень Среднеазиатского университета. Ташкент. 1927. Вып. 16. С. 90.

⁵¹ Ойна. 1914. № 16. С. 368.

⁵² Фитрат. Спор бухарского мударриса с европейцем в Индии о пользе новометодных школ. Ташкент, 1911. С. 19.

⁵³ Айни С. История бухарской революции. С. 231.

⁵⁴ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре... С. 130.

⁵⁵ Хуррият (Самарканд). 1917. 14 апреля.

⁵⁶ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре.. С. 120.

⁵⁷ Вахабов М. Г. Файзулла Ходжаев. С. 369.

⁵⁸ Написав антикораническую фантазмагорию «День Страшного Суда», Фитрат в 1923 г. стал зачинателем антирелигиозного жанра в узбекской литературе (Фитрат А. День Страшного Суда: Рассказ-сатира. М., 1965). Поэма А. Хамди «Каримбей в гостях у бога» положила начало идентичному жанру в таджикской литературе (Поэты Таджикистана. Л., 1972).

⁵⁹ Программа Туркестанского центрального бюро младобухарцев-революционеров. Ташкент, 1920 (на узб. яз.). Как уже говорилось выше, эта программа была представлена в Оргбюро ЦК РКП(б). Существует большая вероятность того, что с ней был подробно знаком В. И. Ленин.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Ишанов А. И. Указ. соч. С. 27—29; Акрамов А. Братская помощь русского народа в строительстве социализма в Узбекистане. Ташкент, 1982. С. 123, 127, 131 и др.

⁶¹ Цит. по: Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969. С. 237.

⁶² Цит. по: История таджикского народа. В 3-х т. М., 1964. Т. 2. С. 255.

⁶³ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре... С. 164.

⁶⁴ Первой точки зрения придерживается С. З. Зиманов (Зиманов С. З. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976. С. 85.), второй — Х. Т. Турсунов, А. В. Макашов (Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Указ. соч. С. 249).

⁶⁵ Подробнее об этом см.: Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. С. 262; его же. Роль Компартии... С. 186.

⁶⁶ Айни К. Встречи Ахмеда Дониша с П. И. Пашино // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 144. Акабаров А. Большевицкая печать и революционное движение в Туркестане. Ташкент, 1984. С. 28—29 и др.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

устанавливалось, что все решения СредазЭКОСО осуществляются только через Советы Народных Комиссаров среднеазиатских республик и исполнительный комитет Каракалпакской автономной области. Подверглись также ограничениям функции СредазЭКОСО в вопросах планирования с соответствующим расширением компетенций планирующих органов республик Средней Азии¹³.

Иными словами, в свете достижений национальных республик Средней Азии в строительстве материально-технического фундамента социализма была существенно расширена их самостоятельность в области управления экономикой и ограничены полномочия СредазЭКОСО, который рассматривался как орган временный, вызванный к жизни необходимостью объединения среднеазиатских республик в период совместного преодоления отсталости по сравнению с центральными районами страны.

С выравниванием процесса социалистического строительства во всех союзных республиках надобность в специфических среднеазиатских органах, объединяющих республики Средней Азии внутри Союза ССР, отпала. 2 октября 1934 г. по инициативе Политбюро было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О ликвидации Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), СредазЭКОСО и других среднеазиатских хозяйственных органов». В нем подчеркивалась необходимость установления «непосредственной связи этих республик и их нацкомпартий с ЦК ВКП(б) и правительством Союза...»¹⁴

С ликвидацией СредазЭКОСО история создания и функционирования среднеазиатских органов, однако, не прекратилась. И сейчас, например, имеются подобные органы и организации: Управление Среднеазиатской железной дороги, Среднеазиатское пароходство Министерства морского флота и др. Существуют и иные формы координации экономического и социального развития регионов. Так, Госплан СССР имеет в экономических районах страны, в том числе в Среднеазиатском, своих уполномоченных с соответствующим аппаратом. Одна из задач уполномоченного — подготовка предложений по развитию территориально-производственных комплексов, входящих в состав района, по размещению производительных сил и строительству объектов производственного и культурно-бытового назначения (независимо от ведомственной принадлежности их), по рационализации грузопотоков и перевозок основных грузов, разработке целевых комплексных программ, а также по другим вопросам, касающимся развития района¹⁵.

Нам представляется, что изучение имеющегося опыта управления в пределах отдельных экономических районов, в том числе накопленного в период существования СредазЭКОСО, может способствовать разработке дальнейших мер по совершенствованию хозяйственного механизма. Разумеется, некоторые элементы этого опыта устарели, не соответствуют нынешним условиям и задачам, возросшим масштабам народного хозяйства СССР, его количественным и качественным параметрам. Вместе с тем в нем, очевидно, содержатся определенные элементы, сохранившие свою значимость до настоящего времени. В конечном итоге, в практике могут быть учтены как первые, так и вторые, как положительные, так и отрицательные стороны указанного опыта. Положительная практика, в частности, может быть, видимо, учтена при совершенствовании и усилении роли экономического районирования в практике государственного управления экономикой, при создании территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, разработке и реализации комплексных целевых программ, а также генеральных схем управления промышленностью, образовании различных региональных комиссий, комитетов и т. д.

А. И. Рашидова

¹³ Там же, л. 132.

¹⁴ Справочник партийного работника. Вып. IX. М., 1935. С. 128.

¹⁵ См.: СП СССР. 1982. № 28. Ст. 145.

О СУЩНОСТИ И РАЗВИТИИ АНТИФЕОДАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ МЛАДОБУХАРЦЕВ

В наши дни резко возрос интерес широкой советской общественности к проблемам истории, особенно истории Октября и первых послеоктябрьских десятилетий. Как указывалось на февральском (1988) Пленуме ЦК КПСС, возникла острейшая необходимость «написать правдивую и полную историю, которая была бы историей жизни и борьбы народа»¹. Надо, подчеркивает М. С. Горбачев, «основательно продолжить теоретическую, политическую работу партии, чтобы более глубоко разоб-

¹ Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. М., 1988. С. 11.

раться и в сегодняшнем дне, и в прошлом, и главное — на основе извлеченных уроков и реальных знаний выстроить будущее»².

Учеными-обществоведами Узбекистана также ведется определенная работа в указанном направлении. «Неосомненно, положительно, — отмечалось на X пленуме ЦК КПУз, — желание трудящихся республики, представителей творческой интеллигенции, ученых досконально разобраться в нашей истории, покончить с конъюнктурщиной, с обезличиванием исторического процесса»³.

Однако в истории Советского Узбекистана еще немало «белых пятен». Так, «в исследовательской и пропагандистской работе, — говорится в информации об одном из заседаний Бюро ЦК КПУз, — недостаточно раскрывается совместная с российским пролетариатом борьба трудящихся Востока за свое социальное и национальное освобождение, установление и упрочение Советской власти в Туркестане»⁴.

Слабо изучена пока и деятельность так называемых младобухарцев, объективный анализ которой продолжительное время тормозился из-за репрессий в 1937—1938 гг. многих реабилитированных впоследствии их лидеров. «Хотя о младобухарском движении написано немало, — отмечалось на одном из совещаний историков республики, — но строго научной, партийной оценки этим течениям в литературе до сих пор не дано. Исторический же опыт показывает, что в условиях докапиталистических отношений, в борьбе против ханско-эмирского деспотизма эта партия сыграла немаловажную роль. Глубокое изучение и обобщение этого процесса способствовало бы объективному, правдивому освещению исторического прошлого, позволило бы воспитывать новые поколения советских людей, особенно молодежь, на опыте истории»⁵.

Надо сказать, что после XX съезда КПСС у нас появился ряд трудов, посвященных младобухарцам⁶. Многие исследователи справедливо считают это общественно-политическое движение буржуазно-демократическим и в конкретных исторических условиях Бухарского эмирата прогрессивным⁷.

Общая оценка деятельности младобухарцев позволяет сегодня обратиться к наименее изученной стороне связанной с ними проблемы — историко-философскому анализу. Это тем более важно, что буржуазные фальсификаторы и поныне не перестают выпячивать ту или иную сторону общественно-политических взглядов младобухарцев⁸.

Анализ имеющихся источников показывает, что младобухарцы в начале своей деятельности не выступали против господствовавшей в ханстве феодальной формы собственности на средства производства, однако предлагали реформы, существенно подрывавшие ее. Так, ведущий идеолог младобухарцев в 1914—1918 гг. А. Фитрат призывал в 1911 г. бухарских ремесленников «переменив свои кустарные мастерские на благоустроенные фабрики»⁹, «сложить бухарским купцам свои капиталы»¹⁰, обеспечить конкурентоспособность фабрик¹¹. Он предлагал вместе с тем сохранить вакуфы, освободив их, однако, от «вероломства мударрисов»¹². Личная же собственность эмира признавалась им тогда неприкосновенной.

Программа младобухарцев, составленная А. Фитратом и принятая в январе 1918 г., также не выступала против феодальной собственности. Государственную («амляковую») собственность предлагалось сдавать в аренду частным лицам на особых условиях, частновладельческую («мульковую») — обложить увеличенным нало-

² Успех перестройки в руках народа: Выступление М. С. Горбачева в ЦК КП Узбекистана//Правда. 1988. 11 апр.

³ Нишанов Р. Н. Задачи республиканской парторганизации по реформе средней и высшей школы и идеологическому обеспечению перестройки в свете решений февральского Пленума ЦК КПСС//Правда Востока. 1988. 12 апр.

⁴ В Бюро ЦК КП Узбекистана//Правда Востока. 1988. 12 марта.

⁵ Историко-партийную науку — на уровень современных требований: Заседание в редакции «за круглым столом»//Коммунист Узбекистана. 1987. № 12. С. 46.

⁶ См., напр.: Вахабов М. Г. Файзулла Ходжаев//Революционеры, вожаки масс. Ташкент, 1967. С. 361—384; Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969; Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Образование и деятельность Бухарской Компартии. Ташкент, 1983; и др.

⁷ Юсупов Э. Ю. Файзулла Ходжаев//Революцией призванные: Биографические очерки. Ташкент, 1987. С. 244.

⁸ См., напр.: Bennigsen A., Wimbush S. Muslim National Communism in the Soviet Union. Chicago—London, 1979. P. 26, 92—93, 127, 166—167, 197, 223—224; The USSR and the Muslim World. London, 1984. P. 16—220.

⁹ Абд-ур-рауфъ. Рассказы индийского путешественника. Самарканд, 1913. С. 64.

¹⁰ Там же. С. 96.

¹¹ Там же. С. 97—98.

¹² Фитрет бухарец: Спор бухарского мударриса. Ташкент, 1911. С. 12.

гом, вакуфную собственность — строго регламентировать. Собственность эмира фактически отделялась от собственности государства¹³.

Однако Программа Туркбюро младобухарцев-революционеров, принятая летом 1920 г., уже признала идею низвержения феодальной собственности¹⁴. Предлагавшиеся ею реформы могли привести к развитию капиталистических отношений в городе и деревне. Впрочем, вакуфы по-прежнему считались неприкосновенными.

Своеобразно складывалось понимание младобухарцами классового разделения общества в эмирате. Так, Фитрат писал в 1911 г.: «Все жители Бухары делятся на три категории: ученые (включая и духовенство), правящие и жители... Правящие состоят из двух слоев: лавочники, торговцы, а также наследники»¹⁵. В конце своего организационного существования младобухарцы расширяют свое понимание «правящих», включив в него «беков, ханов, крупных чиновников, представителей высшего духовенства»¹⁶.

Известна борьба, которую вели младобухарцы с реакционным духовенством. А. Фитрат, в частности, выдвинул ставший популярным лозунг: «Не менее тысячи мулл ответят за кровь наших братьев-борцов»¹⁷.

Медленно зрели республиканские идеи младобухарцев. «Примером человеколюбия» называл конституцию А. Фитрат, стоявший тогда на конституционно-монархических позициях¹⁸. А в июне 1920 г., после долгой идейной борьбы¹⁹, программа младобухарцев-революционеров закрепила идею создания «Демократической Трудовой Бухарской Республики». Позже, на заседании Турккомиссии от 25 августа 1920 г., младобухарцы-революционеры согласились с идеей создания «Независимой Советской Республики Трудящихся»²⁰. Однако практические действия ряда бывших младобухарцев-революционеров (У. и А. Пулатходжаевы, М. Аминов и др.) уже в годы народной Советской власти в Бухаре²¹ убеждают в наличии определенного элемента декларативности в их заявлениях о приверженности советской форме организации власти.

Столь же медленным был процесс перехода младобухарцев на революционные позиции. Как справедливо пишет один из исследователей, лишь к 1920 г. «самые трезвые и дальновидные деятели младобухарцев» разрабатывают революционную тактику, «оказавшуюся правильной» в условиях отсталой Бухары²². Сказанное о революционной тактике младобухарцев не означает, однако, признания верности стратегии младобухарцев, ориентированной на буржуазную демократию.

Движущей силой революционных преобразований младобухарцы неверно считали обуржуазившихся бухарских купцов, которые якобы, как писал А. Фитрат, «добывают свое пропитание трудами рук своих»²³. А. Фитрат в книге «Путеводитель освобождения» отмечал также: «Жизнь и смерть нашей нации находится в руках торговцев... Эта святая задача — руководство нашей партией... перешло по требованию жизни в руки наших баев»²⁴. Народ рассматривался А. Фитратом лишь как вспомогательная сила: «Если народ не приложит стараний, ничего не изменится»²⁵; «Для реорганизаторов нет лучшего вспомогательного средства, чем надежность народа»²⁶. Примечательно, что даже Ф. Ходжаев семь лет спустя после бухарской революции ошибался в оценке роли в ней народных масс²⁷.

Особое место в своей антифеодальной борьбе младобухарцы придавали политической организации. Так, А. Фитрат в 1911 г. определял ее как «общество знающих людей, которое, правильно поняв свою задачу, весьма ревностно принимается

¹³ Проект реформ в Бухаре Комитета младобухарцев//Революция и национальный вопрос: Сб. док. В 4 т. Т. 3. М., 1930. С. 361—372.

¹⁴ Инқилобчи ёш бухороликлар Туркистон марказий бюросиянинг миромномаси. Тошкент, 1920. С. 5.

¹⁵ Абдурауф. Рассказы... С. 2, 3.

¹⁶ Инқилобчи ёш бухороликлар... С. 5.

¹⁷ См.: Акчурин А. Воспоминания о двадцатом годе в Хиве и Бухаре//Сборник статей к десятилетию бухарской и хорезмской революций. Ташкент, 1930. С. 61.

¹⁸ Фитрат бухарец... С. 12.

¹⁹ См.: Фитрат. Бухоро ёшлари ҳақида//Улуғ Туркистон. 1918. 30 май; Хўжаев Ф. Ёш бухороликлар тўғрисида//Улуғ Туркистон. 1918. 11 июнь; Вахабов М. Г. Файзулла Ходжаев. С. 375; Брагинский И. С. Два стихотворения Айни//Народы Азии и Африки. 1968. № 6. С. 130—132; и др.

²⁰ См.: Ишанов А. И. Указ. соч. С. 186.

²¹ См.: Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961. С. 353.

²² Вахабов М. Г. Файзулла Ходжаев. С. 372.

²³ Абдурауф. Рассказы... С. 86.

²⁴ Фитрат. Раҳбарӣ нажот. Пг., 1915. С. 186—187.

²⁵ Фитрат бухарец... С. 53.

²⁶ Абдурауф. Рассказы... С. 29.

²⁷ См. подробнее: Ходжаев Ф. Избр. труды: В 3 т. Т. 2. Ташкент, 1970. С. 600.

за улучшение положения народа»²⁸. Бухарские джадиды характеризовались им как «добродетельные, усердные и серьезные юноши», существование которых «служит важным доказательством пробуждения бухарцев»²⁹. Последние документы младобухарцев, в частности «Воззвание к бухарскому войску», определяли политическую организацию как «комитет народа, который обеспечит его сполна и подготовит его для дальнейших работ»³⁰. Однако в том же «Воззвании» понятие «народ» подспудно отождествляется с понятием «партия». Последнее подтверждает буржуазную по своему характеру цель младобухарцев: использовать народ как «вспомогательное средство» для замены феодальной эксплуатации капиталистической.

Антифеодальные взгляды младобухарцев имели еще одну черту — просветительскую. Так, А. Фитрат в 1911 г. писал: «Наука — причина процветания государства... причина прогресса народа...»³¹ Действительность постоянно опровергала просветительские иллюзии младобухарцев. Однако, например, в том же «Воззвании к бухарскому войску» (1920 г.) вновь говорится о «культурно-человеческих правах»³². Другой документ, также опубликованный в 1920 г., отмечает: «Единственным спасением родины от гибели является развитие просвещения... Борьба за дело учения, за жизнь, за основу подлинных законов шариа... это три пути сделать нашу родину цветущей, свободной и культурной»³³.

Итак, по ряду узловых вопросов: о собственности на средства производства, о классах, о республиканском образе правления, о революции, ее движущих силах и роли в ней народных масс, о политической организации — взгляды младобухарцев были буржуазно-ограниченными. Однако они вступали в противоречие с господствовавшим в Бухаре феодально-клерикальным учением — и в этом была их относительная прогрессивность. Младобухарцы, как справедливо пишет один из исследователей, «отошли от позиций верноподданнических просьб и встали на позиции создания нелегальных новометодных школ. Появление нового течения в джадидизме было значительной вехой в жизни страны, формировалась сила, открыто выступавшая против неограниченной власти эмира»³⁴. Идеиные установки младобухарцев в период подготовки и проведения народной революции 1920 г. сыграли, таким образом, положительную роль.

Сказанное о младобухарцах отнюдь не означает обеления среднеазиатского джадидизма, ибо последний, как правильно пишет Э. Ю. Юсупов, «был совершенно далек от революционных идей. Джадиды, выдавая себя за «защитников» национальных интересов, стремились противопоставить местные трудящиеся массы русскому народу, его революционному рабочему классу, под видом защиты национальных интересов выдвигали на первое место свои классовые интересы»³⁵. Младобухарцы — это, образно говоря, джадиды, которые «на неосвоенной бухарской почве смогли дать съедобные плоды», — в других, более развитых социально-экономических условиях деятельность бухарских джадидов, как и туркестанских, сыграла бы реакционную роль.

После победы народной революции 1920 г. развитие политических взглядов младобухарцев шло по двум основным путям: по пути усвоения большевистского опыта, борьбы за справедливость и по пути усиления буржуазных тенденций, поиска поддержки со стороны буржуазных государств. Лишь первый путь, по которому прошли немногие (Ф. Ходжаев и др.), оказался жизнеспособным и правильным.

Б. Х. Эргашев

²⁸ Абдурауф. Рассказы... С. 27.

²⁹ Там же. С. 28.

³⁰ Воззвание к бухарскому войску//Ходжаев Ф. Избр. труды. Т. I. С. 170.

³¹ Фитрат бухарец... С. 19.

³² Воззвание к бухарскому войску. С. 170.

³³ Угнетенные народы Бухары!//Ходжаев Ф. Избр. труды. Т. I. С. 172.

³⁴ Вахабов М. Г. Файзулла Ходжаев. С. 363.

³⁵ Юсупов Э. Ю. Переход к социализму, минуя капитализм. М., 1987. С. 57.

БЕРУНИ И ЕГО ЭТЮДЫ ПОЭТИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ

(По книге «Минералогия»)

Абу Райхан Беруни был великим ученым-энциклопедистом, имевшим глубокие познания в области многих точных и гуманитарных наук. Он не только сам писал литературные произведения, но и был отличным литературоведом. В его произведениях, в частности в «Минералогии», мы находим блестящие образцы глубокого анализа творчества многих арабоязычных поэтов, что свидетельствует о высоком эстетическом вкусе и широте познаний великого ученого, прекрасно знавшего арабскую классическую поэзию, в том числе доисламского периода. Он так тонко, так проницательно истолковывает те или иные бейты поэтов классического периода, что поневоле вспоминаешь характерное высказывание арабского поэта Абу Нуваса. Когда

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1992

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1992

имеется в виду индивидуальная информация, и скачок от нее к совокупной информации оказывается предварительным условием для теоретического анализа прежде всего потому, что она преодолевает случайные отклонения параметров данного признака отдельной единицы, изучаемой совокупности и верно раскрывает распределение этого признака во всей совокупности. В этом смысле совокупная информация, не теряя своего эмпирического характера, оказывается специфическим обобщением индивидуальной информации в соответствующей статистической форме⁸. Тем самым совокупная информация служит основанием целого ряда этапов, необходимых для образования эмпирических законов и эмпирических теорий.

Основным средством перехода от индивидуальной к совокупной информации является статистическая группировка, с помощью которой осуществляется скачок от сведений о признаках отдельных единицы к распределению этих признаков во всей генеральной совокупности. Признаки отдельных единиц специфическим образом обобщаются. Со своей стороны, распределение признаков совокупности служит основой для вычисления различных других ее характеристик.

Важное значение для выявления эмпирических закономерностей приобретают установление комбинаций признаков, вычисление средних величин, коэффициентов корреляции, математическое моделирование, шкалирование и т. д.

Все это следует непременно учитывать для правильного понимания сути эмпирических законов и эмпирических теорий, в том числе разрабатываемых и применяемых в науках об обществе.

Б. Д. Бабаев

⁸ См.: Андреева Г. М. О соотношении микро- и макросоциологии//Вопросы философии. 1970. № 7. С. 20.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БУХАРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Последнее время отмечено ростом интереса к проблемам истории Бухары кабула произведенного в ней в 1920 г. антимонархического переворота. Это объясняется, в частности, введением в широкий научный оборот мемуаров свергнутого эмира Саида Мир Алима¹, находившихся ранее в спецфондах библиотек работ западных советологов (как, например, Г. Фразер²) и вызванной этим переоценкой отдельных событий.

Здесь мы попытаемся в этой связи осветить некоторые события первых двух лет правления Саида Мир Алима, когда проявились первые попытки проведения ряда реформ, вызвавшие яростное противодействие консервативных сил. Источниками нашего исследования послужили документы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), материалы периодической печати тех лет и др.

Как известно, правящие круги Российской империи еще задолго до вступления на престол Саида Мир Алима готовили его к правлению эмиратом. В ЦГВИА хранится папка документов «Об определении в корпус сына бухарского эмира Сеид мир Алима. 26 января 1893—15 января 1897 гг.»³. Речь идет о Николаевском кадетском корпусе, курс военных наук которого закончил наследник. В том же архиве можно найти данные о неизвестном брате престолонаследника — Саиде Мир Мансуре (?), имевшем чин ротмистра и получавшем пособия из царской казны⁴. Бухарский историк Сами сообщает о смерти в 1906—1907 гг. двух дочерей Абдулахада, т. е. сестер Саида Мир Алима⁵. Отсюда видно, что круг родственников монарха был шире, чем это представляется ныне.

Серьезно и вплотную столкнуться с государственной деятельностью Саиду Мир Алиму пришлось еще в январе 1910 г., во время утихомиривания суннино-шиитской резни в Бухаре. С помпой встреченный наследник прибыл во владения отца, остраивая от власти иранца Астанакула-кушбеги, которого многие считали зачинщиком беспорядков. Скопления воинственно настроенных людей у дворца прекратились, две мусульманские общины официально объявили о перемирии⁶. (Существо-

¹ См.: Фан ва турмуш. 1991. № 3. С. 18—19; № 4. С. 26—27 (на узб. яз.); Илм ва хаёт. Душанбе. 1991. № 5. С. 26—27 (на тадж. яз.); Звезда Востока. 1991. № 7. С. 54—62 (на рус. яз.).

² Нами опубликован газетный вариант перевода на русский язык статьи Г. Фразер «Алимхан и падение Бухарского эмирата в 1920 г.»//Советская Бухара. 1991. 26, 29 марта.

³ ЦГВИА, ф. 317, оп. 1, д. 1637, 195 л.

⁴ Там же, ф. 400, оп. 1, д. 3763, 270 л.

⁵ Мирза Абдалазим Сами. Тарихи салатиши Маҷитийа. М., 1962. С. 126.

⁶ Правительственный вестник. СПб., 1910. 14, 16 янв.; Туркестанские ведомости. Ташкент. 1910. 16, 18 янв.; Туркестанская военная газета. Ташкент. 1910. 17 янв.

вали, на наш взгляд, кроме состояния здоровья, иные причины самоотстраненности Абдулахада от вопросов, связанных с ликвидацией резни. Эмир был працем (шнитом) по матери и, следовательно, попадал в шекотливое положение в междоусобном споре общин).

В начале декабря 1910 г. наследник посетил Ташкент, где был принят со всеми подобающими почестями⁷.

Абдулахад умер 22 декабря того же года. 24 декабря, в 6 часов утра, Саид Мир Алим прибыл экстренным поездом из Кермине (место погребения Абдулахада и его родителей) в Новую Бухару, а два дня спустя он вступил в пределы Старой Бухары, откуда послал телеграммы Николаю II и министрам России. 30 декабря состоялось его коронование⁸. («Правительственный вестник», между прочим, сообщал о других наследниках Абдулахада — Саиде Мир Амане (?) и Саиде Мир Ибрагиме (?). Первый родился в 1880, второй — в 1903 г.⁹).

Через месяц молодой эмир перечислил одно из многочисленных (видимо, первое) своих пожертвований в пользу Красного Креста — 100 тыс. руб. Еще 25 тыс. руб. он передал пострадавшим от землетрясения в Семиречье¹⁰.

Начало деятельности эмира Алимхана не ограничилось благотворительностью. Уже в первые дни правления он заявил об уменьшении размера налогов; частичной амнистии; урегулировании судебных сборов; увеличении жалования войску. Об этом сообщал «Правительственный вестник»¹¹. Он же, с явным подтекстом и очевидным нажимом, неожиданно предоставил свои страници статье «Прошлое и настоящее Бухары», призывающей к реформам¹². Та же газета 30 января 1911 г. информировала читателей об открытии эмиром амбулатории в Бухаре. Алимхан запретил подношение подарков чиновникам при исполнении ими своих обязанностей, ввел должность школьного инспектора (организатора работы учебных заведений). В феврале 1911 г. было объявлено о передаче эмиром 100 тыс. руб. Красному Кресту, 3000 — ташкентской женской гимназии, 3000 руб. — малообеспеченным учащимся Ташкента¹³.

В начале 1911 г. происходит встреча двух главных фигур местного купечества: К. Азизова и Дж. Арабова — с приближенными эмира, где правителю от имени торговцев были предложены: 1) устройство в Бухаре биржи; 2) новых мостов; 3) контроль за мерами и весами на рынках; 4) регулирование распределения воды; 5) запрет пышных свадеб; 6) усиление внимания к начальным школам¹⁴.

Эмир избрал местом своего постоянного пребывания не далекий от столицы Кермине, как ранее, а саму Старую Бухару. Он установил у ворот дворца предлагавшиеся ранее общественностью «ящики справедливости» для подачи письменных жалоб от населения¹⁵.

В марте 1911 г. Алимхан выделил 4000 руб. русско-туземной больнице, 100 тыс. — Красному Кресту (с образованием в нем специального фонда бухарского эмира), 64 тыс. руб. — на противосаранчовые работы¹⁶.

Правитель официально выступил, как это предлагали купцы К. Азизов и Дж. Арабов, против проведения пышных свадеб¹⁷.

Начавшаяся школьная реформа привела к соединению мелких (иногда по 3—4 ученика) учебных заведений в более крупные, значительным финансовым вложениям в просвещение, назначению казенного жалования учителям¹⁸.

Вместе с тем отметим, что туркестанский генерал-губернатор Самсонов сообщал в конфиденциальном письме от 8 марта 1911 г. в МИД России: «Эмир Алим был воспитан в духе беспрекословного повиновения своему отцу... Вкусивший начатки цивилизации, зная весьма удовлетворительно русский язык и кое-что читая из периодической русской печати, Саид Алим сознавал некоторые бьющие в глаза неполадки в управлении Бухарой, чувствовал нелюбовь населения к отцу... Доживши при таких условиях до 30-летнего возраста, эмир Саид Алим представляется малоопытным, безвольным правителем и по природе несколько вялым человеком... Он понимает, что должен слушаться русского правительства, передающего ему волю Государя Императора... Однако при безволии он в настоящее время легко может попасть под влияние ближайших своих советников и сотрудников, ...людей старого режима, хитрых и сильных духом, для которых всякие реформы в ханстве

⁷ Турк. ведомости. 1910. 5 дек.

⁸ Правит. вестник. 1910. 24, 29, 31 дек.

⁹ Там же. 25 дек.

¹⁰ Турк. ведомости. 1911. 11, 30 янв.

¹¹ Правит. вестник. 1911. 4 янв.

¹² Там же. 9 янв.

¹³ Там же. 5 февр.; Правит. вестник. 1911. 2, 8 февр.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3926, л. 87—87а.

¹⁵ Турк. ведомости. 1911. 24, 26 февр.

¹⁶ Там же. 27 февр., 1 марта; Правит. вестник. 1911. 8 марта.

¹⁷ Турк. ведомости. 1911. 9 марта.

¹⁸ Там же. 31 марта, 14 апр.

невыносимы; они несомненно будут в этом отношении его сдерживать»¹⁹. Последующие события подтвердили эти прогнозы.

Петербургская газета «Утро России» справедливо сетовала, что реформы молодого эмира коснулись в основном школьного дела и войска, не затрагивая по существу других, главных сфер жизнедеятельности вассального государства²⁰.

Заслуживает внимания исследователей поездка эмира в Петербург в мае—июне 1911 г.,—вероятно, первая для Алимхана в его новом качестве. Его принял Николай II. Печать детально описывала подарки, привезенные бухарским эмиром русскому царю: ткани, оружие, ларцы, изделия народного промысла, двадцать породистых коней. Император, в свою очередь, жалует своему гостю орден Белого Орла с бриллиантами²¹.

Только в период своего пребывания в Петербурге эмир жалует 1000 руб. на сооружение памятника морякам—жертвам Цусимского боя и 100 тыс. руб.—Красному Кресту²².

Поездка Алимхана в столицу России продолжалась вплоть до июня 1911 г.²³ Один из петербургских журналов по случаю его визита познакомил читателя с фотографией гостя и сообщил о присвоении ему чина генерал-майора русской армии²⁴.

Вскоре после этого эмир предпринял еще ряд мер, в том числе по финансированию русско-туземных больниц в Бухаре.

И здесь вновь уместно сослаться на переписку российских официальных лиц. В секретном донесении управляющего Российским политическим агентством (РПА) в Бухаре на имя туркестанского генерал-губернатора от 27 июля 1911 г. говорится о приеме Алимханом даров от подчиненных, т. е. о мздоимстве, в том числе и получении красивых девушек для гарема²⁵. Эти факты, становившиеся известными и широким массам, подчеркивали неискренность эмира в провозглашенном им курсе на переустройство бухарского общества.

Август 1911 г. ознаменовался важным событием—резким противостоянием консервативных и либеральных сил. Под сильнейшим, на наш взгляд, нажимом из Петербурга (это видно из переписки столичных и местных чиновников) был выслан ряд религиозных деятелей, открыто выступавших против реформ. Алимхан отложил свой отъезд на южном берегу Крыма. В столицу эмирата прибыл новый управляющий РПА²⁶.

Отдых в Ялте эмир провел в октябре—декабре 1911 г. 7 октября там состоялась его встреча с Николаем II. В это же время наследнику бухарского престола Саиду Мирзе присваивается чин офицера Терского казачьего полка, позже—титул светлости²⁷.

Действия эмира неизменно отличались явной непоследовательностью. «Нельзя...обойти молчанием,—читаем мы в секретном послании туркестанского генерал-губернатора военному министру России от 30 декабря 1911 г.,—самую личность Саид Мир Алима, достаточно выяснившуюся за истекшее время. Слабохарактерный, безвольный, нерешительный, ко всему апатичный, ничем не интересующийся, нынешний эмир не только не сумел приобрести расположение своего народа или хотя бы ближайших к нему лиц, но лишь успел отвратить и этих последних от себя своим непомерным развратом, в жертву коему, наравне с дочерьми простоллюдинов, приносятся девушки влиятельнейших семейств в ханстве»²⁸. В Ташкенте, таким образом, явственно видели отрицательные черты характера бухарского монарха.

В письме генерал-губернатора в Петербург, на имя министра иностранных дел России, от 23 января 1912 г. также говорится о развратных действиях эмира: «То, что покойный эмир сделал в конце своего правления, то же самое повторено Саид Алимом на втором же году его появления у власти. Эмир удалился в Алчин, выписал туда цирк, вызывает из Москвы публичных женщин и на глазах соняемого по его приказанию окрестного населения предается грубому разврату, совершенно не помышляя о своем престиже, охранять который мы почему-то взяли на себя неблагоприятную роль»²⁹.

И все же эмир старался предпринимать какие-то шаги.

В начале 1912 г. стало известно о сдаче эмиром в аренду России на 99 лет 72 тыс. десятин земли в Байсуне, Ширабаде и на берегу Амударьи за 100 тыс. руб. Алимхан предпринимает весной того же года осмотр бекств своего государст-

¹⁹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3926, л. 95.

²⁰ Цит. по: Турк. ведомости. 1911. 26 апр.

²¹ Там же. 13 мая; Правит. вестник. 1911. 12, 14 мая.

²² Правит. вестник. 1911. 22 мая; Турк. ведомости. 1911. 26 мая.

²³ Правит. вестник. 1911. 2 июня.

²⁴ Нива. СПб., 1911. № 22. С. 43.

²⁵ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4000, л. 8а—9.

²⁶ Правит. вестник. 1911. 17, 20 авг.; Турк. ведомости. 1911. 18—21 авг. См. также: Becker S. Russias Protectorates in Central Asia. Cambridge, 1968. P. 208.

²⁷ Правит. вестник. 1911. 4 окт., 10 дек.; Турк. ведомости. 1911. 10, 20 окт.;

Правит. вестник. 1913. 8 окт.

²⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3926, л. 101а.

²⁹ Там же, л. 109а.

ва, что в жизни эмиров Бухары было крайне редко. И, наконец, начато было строительство шести мостов через Зарафшан на сумму 300 тыс. руб.³⁰

Большим событием стал выход в свет в Бухаре персоязычной газеты «Бухорон шариф» и тюркоязычной — «Туран». Однако они были закрыты вскоре из-за малого числа подписчиков и финансовых трудностей³¹.

Дальнейший ход событий показал, однако, что попытки реформ Алимхана застопорились. «Оппозиция духовенства помешала преобразованиям», — справедливо писал по этому поводу бакинский «Нажот»³².

Эмир забросил борьбу со свадбными расточительствами. Он уже открыто принимал огромные подарки от членов своего правительства³³. Его личные вклады в русские банки к декабрю 1913 г. составили 34 млн. руб.³⁴

Либеральные силы пытались вдохнуть новую жизнь в угасавший процесс общественных преобразований. Так, виднейший мусульманский просветитель России Исмаил Гаспринский выступает с проектом дополнительных реформ в Бухаре³⁵.

Интересно, что к 1914 г. в печати практически вообще перестали упоминаться попытки реформ в эмирате. Газеты акцентировали свое внимание на визитах Алимхана, его пожертвованиях (преимущественно Красному Кресту), пышном образе жизни правителя Бухары.

Итак, в 1911—1912 гг. — первые годы правления Саида Алимхана — в Бухаре предпринимаются попытки провести ряд реформ (уменьшены размеры налогов, объявлена частичная амнистия, урегулированы судебные сборы, увеличено жалование войску и т. п.). Это стало возможным благодаря, главным образом, давлению царского правительства, желавшего «цивилизовать» феодально-монархический режим эмирата.

Однако начавшийся было процесс социальных изменений быстро заглох в силу сопротивления консервативных сил, стремившихся сохранить старые порядки.

Б. Х. Эргашев

³⁰ Турк. ведомости. 1912. 15 февр., 16 мая, 13 сент.; Правит. вестник. 1912. 16 мая.

³¹ См. подробнее: Эргашев Б. Х. Чрезвычайная симпатия//Советская Бухара. 1989. 13 сент.; Его же. Притча для потомков//Правда Востока. 1991. 19 июля.

³² Цит. по: Мир ислама. СПб., 1912. № 2. С. 68.

³³ Турк. ведомости. 1913. 11 июня, 29 дек.

³⁴ Becker S. Op. cit. P. 386.

³⁵ Турк. ведомости. 1913. 12 сент.

О КЕНОТАФАХ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди множества проблем в археологии Джаркутана есть один, казалось бы, частный вопрос, имеющий, однако, исключительное значение в осмыслении духовной культуры сапаллинской цивилизации. Это вопрос о кенотафах, или ложных захоронениях, их месте и роли в ритуально-культурной практике древнеземледельческого общества Южного Узбекистана. До сих пор отсутствует специальный анализ кенотафных захоронений сапаллинской культуры. В период накопления археологических материалов по Сапаллитепе и Джаркутану к данной проблеме неоднократно обращался А. А. Аскаров при разработке общенсторических вопросов эпохи поздней бронзы¹, что, к сожалению, не получило дальнейшего развития, хотя кенотафы как по количеству, так и разнообразию представленных в них ритуалов заслуживают специального изучения.

В ряде работ, посвященных другим памятникам бронзового века Средней Азии, о кенотафах говорится, как правило, мимоходом, в самом общем виде, при характеристике погребального обряда тех или иных обществ, и вопрос о социальном и ритуально-культурном содержании данного вида захоронений в них не ставится². Несколько подробнее рассматриваются кенотафы скотоводческого населения

¹ Аскаров А. А. Сапаллитепе. Ташкент, 1973. С. 134—135; Его же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 141; 153; Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 48, 52, 54.

² Сариянди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 55; Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983. С. 87, 90; Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г.//Археологические работы в Таджикистане (АРТ). XVII. Душанбе, 1984. С. 56—68; Массон В. М. Древние культуры Средней Азии: динамика развития, освоение экологических ниш, культурные связи//Информационный бюллетень МАИКСА. Вып. II. М., 1986. С. 87.

РОДИНА

11/89

Думаю, что мно
сятя: человек
о нем не
Поэтом
уй

«Остановитесь!» — так назван фоторепортаж,
который будет опубликован в следующем номере.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

СОВЕТСКОЕ — В МОДЕ!
У нас дома и за рубежом

ДОРОГУ ВЫБРАЛ КУРУЛТАЙ

Фархад КАСЫМОВ,
доктор исторических наук,
Баходир ЭРГАШЕВ,
кандидат философских наук

15 августа 1920 года в ташкентской газете появилась статья Михаила Васильевича Фрунзе «Россия и Бухара». Она начиналась словами:
«Многим товарищам представляются совершенно непонятными наши взаимоотношения с Бухарой. Казалось бы, какой разговор может быть у нас с правительством деспотического государства, где царствует величайший произвол и где не только трудовое население, но и все вообще жители не ограждены от насилий и надругательства над личностью. Не проща было бы вовсе прекратить с ней всякую связь, «дабы не позорить себя», либо принять в отношении ее такие меры, какие принимались нами в отношении нашего самодержавия.

БУХАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Александр КРУШЕЛЬНИЦКИЙ,
кандидат исторических наук

ДИКТАТУРА ПО ТЕЛЕГРАФУ

События Бухарской революции 1920 года традиционно излагаются историками в соответствии со схемой, заданной еще в 30-х годах: 28 августа трудящиеся Бухары восстали против эмира; 29 августа созданный ими Временный революционный комитет обратился к правительству РСФСР с просьбой о военной помощи. Советское правительство направило в Бухару части Красной Армии во главе с М. В. Фрунзе. 2 сентября была освобождена столица ханства — город Старая Бухара. Эмир бежал в Афганистан. 8 октября провозглашено образование Бухарской Народной Советской Республики.

Схема эта до того проста, что естественно порождает вопросы. В самом деле: как удалось столь быстро создать советскую республику в Бухаре, которую называли в те годы «застывшей страной», где многое сохранялось «таким же, как было 300—400 лет назад»? Что за трудящиеся восстали там не просто против эмира, но, как получается, сразу за Советскую власть? Ведь, по оценкам наших же современных этнографов и историков, даже «городское общество г. Бухары... по своему составу и бытовому укладу было еще типично феодальным» (подчеркнуто мной.— А. К.). Еще один вопрос: как же распространяли марксизм в феодальной, раздираемой межплеменной рознью исламской страной с нищим и в большинстве неграмотным крестьянским населением?

Многие документальные свидетельства, скрытые до сих

Таков примерно логический ход мысли не только большинства средних рабочих, но даже многих коммунистов. При всей кажущейся логической правильности и внешней революционности такие умозаключения по существу совершенно неверны» («Железный путь», 1920, 15 августа).

Фрунзе исходил, по его собственному выражению, из «принципов невмешательства в чужое дело». Но был ли вполне искренен командующий Туркестанским фронтом, если спустя полмесяца он предоставил Бухаре военную помощь, способствуя утверждению нового режима?

А может быть, правы те западные исследователи, которые утверждают, что рождение Бухарской Народной Советской Республики инспирировалось вторжением в эмират Красной Армии?

«Так называемая «народная революция» в Бухаре была результатом подрывной деятельности большевистских агентов Ташкента... Большевики удачно внедрились модернизаторствующую элиту в лице младобухарцев в созданный большевистский режим в Бухаре... Молодые интеллигенты, вставшие у руля правления, встали перед драматическим выбором между белыми генералами и большевиками и выбрали «меньшее зло» («СССР и мусульманский мир». Лондон, 1984).

Еще четыре года тому назад мы с легкостью отвергали подобные выводы советологов-историков, квалифицируя их как «чудовищную ложь», «беспардонную фальсификацию», «грязный обман». Сегодня мы более осмотрительно в своих выводах о прошлом. Многие ли знают всю правду о Бухар-

пор а архивах, явно противоречат принятым оценкам Бухарской революции. Нет должного объяснения и тому, что созданный ею государственный образован — Бухарская Народная Советская Республика — просуществовало всего 1420 дней. Так не пришло ли время критически осмыслить уроки тех давних событий?

НЕТЕРПЕНИЕ

В марте 1919 года со всей очевидностью обнаружилось, что у руководства многонациональной Советской России нет единого подхода к решению вопросов национальной политики. В ходе развернувшейся на VIII съезде РКП(б) полемики о праве наций на самоопределение возник вопрос о возможности революционной помощи Советской России народам, которым предстояло свергнуть эксплуататоров. Оказание такой помощи, считал Ленин, «возможно только в том случае, если переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл?.. Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров»? Мы этого сделать не можем... Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно». И, указывая на наличие в партии и ее руководстве противоположного мнения: «Тов. Бухарин не хочет ждать. Им овладевает нетерпение...» (В. И. Ленин, ПСС. Т. 38, с. 158—159).

Революционное «нетерпение» примерно с середины 1920 года сказывалось и во взаимоотношениях Советского Туркестана с эмирской Бухарой.

К этому времени положение Туркестанской республики впервые стабилизировалось. Благодаря прорыву через Оренбургские степи войск 1-й армии и восстановлению сообщений с Советской Россией удалось изгнать белогвардейцев из

ской революции 1920 года, о том, что была сначала народная, а затем социалистическая Бухарская республика, которую упразднили в октябре 1924 года? И можем ли мы дать объективную оценку деятельности ее творцов — младобухарцев и бухарских патриотов, большинство из которых прошло в конце тридцатых годов сталинскую хирургию?

Обратимся к тем страницам истории Бухары, о которых много лет предпочитали не вспоминать советские исследователи.

«...НИКТО ОХОТНО НЕ ОТРЕЧЕТСЯ ОТ ТОГО, ЧТО ИМЕЕТ...»

В марте 1938 года на скамье подсудимых вместе с Бухариным и Рыковым оказался Файзулла Ходжаев. Весьма однозначно оценивали в то время лидера младобухарцев, главу первого советского бухарского правительства — «враг народа, возглавивший буржуазно-националистическую группу младобухарцев, в 1920—1924 годах пробрался на руководящие посты в республике».

Конечно, нельзя считать руководителей Бухарской революции сложившимися большевиками. Надо учитывать, что а большинстве своем это были люди из среднего сословия (да и вообще в Бухаре рабочие составляли 0,001% населения). И с марксизмом новоиспеченные революционеры знакомы не из первых рук. Тем не менее к сентябрю 1920 года это оппозиционное движение пришло от буржуазной демократии к народной, они рассматривали свои цели как программу-минимум, признавая максимумом программу Ленина.

Впервые идеи свержения власти бухарского эмира, превращив затем в стройную систему революционных взглядов, высказал еще в прошлом столетии замечательный таджикский просветитель, мыслитель и философ Ахмади Дониш:

«...Эмиры Бухары свое имя унизили злонравием, трусостью и малодушием. Бухару и Самарканд, которые повсюду славились и отличались справедливостью и человечностью,

верой, благочестием и наукой среди большинства городов, они обесславили настолько, что до дня воскресенья мертвых не смеют позора и он не сотрется со страниц истории» (А. Дониш. Исторический трактат. 1895—1897).

Многие идеи взяли на вооружение его последователи — «джадиды» («джадид» по-арабски — «новый»). В октябре 1908 года они открыли в одном из столичных кварталов первую полусветскую школу. Для Бухары это стало событием политической важности, а мусульманское духовенство, до того обладавшее монополией на обучение детей, углядело в этом непопулярную крамолу, проделки невраждных и в сентябре 1909 года добились закрытия школы. Тогда джадиды создали тайное просветительское общество «Тарбият атфол» («Воспитание детей»).

Отсюда ведут свое происхождение «младобухарцы» (именно так называли себя после младотурецкой революции большинство членов «Тарбият атфол»). Их общество родилось как просветительское, но со временем превратилось в лидера национально-освободительного движения. Организация вела своих людей в круг приближенных эмира, в приемные чиновники, в мдресе. Ее члены выведывали государственные секреты и разглашали их. Они находили и разоблачали лиц, виновных в поборах, вымогательстве, прелюбодеянии. Негласная программа «Тарбият атфол» предусматривала борьбу с безнравственностью, расточительством, пьянством. Охранка знала об оппозиционерах, но считала, что они не пойдут дальше просветительских требований.

Свободная мысль не останавливалась в своем развитии. В начале XX века об освобождении народа в полный голос заговорил крупный мыслитель Абдурауф Фитрат (1886—1938).

Он ратовал за решительный прогресс, а достигнуть его считал возможным тремя путями, в зависимости от складывающейся обстановки: с помощью просвещенного абсолютизма, реформы сверху или буржуазной революции.

ков из окрестных кишлаков. Наконец, в мае 1920 года из советского полпредства в Кагане поступило сообщение о «растущем военно-политическом объединении на религиозно-национальной подкладке... Бухары и Афганистана». Это явно противоречило твердой уверенности советского полпреда в Кабуле: «несомненно... что бухарское правительство чрезвычайно критически и осторожно относится к афганцам» (имелись в виду младоафганцы нового правительства Амануиллы-хана). Более того, поводом к тревожному сигналу из Бухары послужил единичный факт: доставка туда четырех пушек — давнего подарка эмиру от прежнего правителя Афганистана — Хабибуллы-хана.

Но «бухарский вопрос» уже стал для командования Туркфронта, по собственному выражению М. В. Фрунзе, «самым проблемным вопросом». И сообщения полпреда сочли достоверными. Возникли опасения, что Бухара уже совместно с Афганистаном может оказать помощь ферганским басмачам. Командование Туркфронта отдало войскам на территории Бухары приказ о боевой готовности. Упомянутый об этом не встретив в литературе, но вот один из сохранившихся архивных документов. Уже 29 мая начальник Чарджуйского гарнизона Немудров доносил командующему 1-й армией Туркфронта: «Вверенный мне гарнизон в боевую готовность приведен... По Вашему приказанию ввиду возможного прибытия в Чарджуй новых частей и для расквартирования тактовых освобожденных для пехоты школы и для кавалерии — заводы. 27—28 мая был в Новой Бухаре [Кагане], где был поставлен в известность товарищем Заремба [и. о. полномочного представителя РСФСР в Бухаре] о натянутых отношениях между Российским и Бухарским правительствами... Тов. Заремба заявил, что Чарджуйский участок при начале военных действий... должен стараться разоружить Старо-Чарджуйский гарнизон [эмирский], захватить бека, чиновника, муллу и не допускать к власти члена младобухарского комитета до особого распоряжения. После чего занять Чарджуйское бекаство и... связаться с Новой Бухарой... Заатра, 30 мая, еду к Чарджуйскому беку для заверения наших дружественных отношений» (ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 84, л. 2).

Свержение самодержавия в России окрылило бухарских оппозиционеров. Возникшая новая младобухарская организация для успешной работы в массах создала систему «дюжин» — 50 ячеек по 12 человек в каждой. В одной только столице насчитывалось около 16 таких дюжин. В состав Центрального Комитета вошли Абдувахид Мунзим (председатель), Абдурауф Фитрат (секретарь), Усманходжа Пулатходжаев (казначей), Муса Саиджанов, Атаходжа Пулатходжаев, Ахмеджан Хамди, Хамидходжа Мехри, Файзулла Ходжаев. Как видим, половину ЦК составляли члены «Тарбият атфол».

Перед правящей феодальной верхушкой они выдвинули четыре главных требования:

создание «народных представительств», центрального и провинциальных; отмена налогов, кроме установленных законами мусульманского права; провозглашение свободы школ и печати; замена наиболее фанатичных и зверствовавших феодальных чиновников.

Одновременно младобухарцы обратились в Петроград, к Временному правительству:

«...Великая Россия а лице своих преданных сыновей свалила безвозвратно старый, деспотический режим, основала на месте его свободное демократическое правление. Покорно просим у нового русского правительства а непродолжительном будущем указать нашему правительству изменить образ правления на основе свободы и равенства, чтобы могли мы гордиться, что находимся под покровительством великой свободной России». (Эпистолярный хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве и может быть датирован 15 марта 1917 года).

Вскоре в Россию отправилась младобухарская делегация. Обращения оппозиционеров из Бухары не остались без внимания.

«Сегодня министр (П. Н. Миллюков.— Авт.) вернулся к вопросу о реформах а среднеазиатских ханствах. По его сло-

воодушевление Бухарской компартии незамедлительно представило Фрунзе «План революционного выступления». Этот никогда не публиковавшийся документ тоже заслуживает подробного цитирования:

«1. Центральный комитет Б.К.П. приходит к заключению, что единственный путь к спасению страны от окончательного разорения чиновничьим произволом и от неизбежно за этим последующей анархии и захвата власти английскими хищниками — уничтожение существующего олигархического абсолютизма.

2. Ввиду отсталости народа в культурном отношении и отсутствия не только организованного пролетарского элемента, но и даже классового самосознания вообще, которое могло бы руководить как отдельными угнетенными, так и небольшими партизанскими группами угнетенных при проведении в жизнь затаенной веками мести, не допускать никаких отдельных выступлений отдельных партизанских групп... собрать все революционные силы вблизи границы Бухары, чтобы организованно, под руководством одного лица начать военные действия против правительства...

3. Для направления и руководства революционным движением организовать аппарат Временного революционного комитета а составе 5 лиц исключительно из коммунистов, ибо железная диктатура Коммунистической партии одна только сможет поддержать в стране строгий революционный порядок и не допустить разрушения экономических ресурсов государства, а наоборот — наладить и использовать их для блага населения.

4. По вступлении в Бухару революционных войск образовать правительство в составе 11 комиссаров и издать манифест о низложении эмира и его правительства. На все области, очищенные от ставленников эмира, назначить своих беков, поставив под строгое наблюдение государственного контроля. Все новые мероприятия и законодательство должны быть строго обдуманы, чтобы они были несомненно направлены к сохранению и поддержанию экономического благосостояния страны. Все отрицательные стороны рус-

вам, Керенский заходит так далеко в этом вопросе, что считал бы присоединение обоих ханств возможным. Министр вполне одобряет мысль, чтобы правители ханств сами пошли, по возможности, навстречу новым веяниям...» (Из секретной телеграммы управляющего среднеазиатским отделом Министерства иностранных дел В. О. Клемма российскому резиденту в Бухаре А. Я. Миллеру. 17 марта 1917 года.)

«Эмир готов во всем следовать а этом вопросе нашим указаниям. Я уже сказал ему, что почин должен исходить от него, с чем он вполне согласился... Обсуждаем уже доложенные мною основные реформы...» (Из секретной телеграммы российского резидента в Бухаре (адресат не указан). 18 марта 1917 года.)

В апреле 1917 года эмир обнародовал манифест, в котором удовлетворил практически все требования оппозиции. Младобухарцы верили в доброту монарха и устроили благодарственную демонстрацию со знаменами «Да здравствует реформа!», «Да здравствует эмир-освободитель!». Но на пути к резиденции Саида Алимхана их встретила контрманифестация мулл, подкрепленная пешим и конным отрядами солдат. Младобухарцам пришлось разойтись. Но это было только начало поворота в политике эмира. Вскоре многие демонстранты были схвачены и избиты его палачами. Тех, кто сумел спрятаться или спастись бегством, духовенство занесло в черный список уничтожения.

Большинство младобухарцев эмигрировало в пограничные русские поселения эмирата.

Лишь к осени 1917 года организация вышла из кризиса. Тогда же появилась новая программа действий, составленная Фитратом. Вот наиболее существенные ее пункты:

«1. Земельно-водный вопрос. ...Хлеборобов освободить от кафсана [налога муллам], на корма лошадей а тому подобных разных сборов. ...Нужно избавить земледельцев от зла ростоащичества. ...Образующиеся в результате ороше-

Закаспийской области, уничтожить банды Анненкова в Семиречье, ударить по басмачам Ферганы. Заметно ослабела и угроза извне. В оккупированном англичанами Иране разворачивалась национально-освободительная борьба. К тому же в мае в Энзелийской операции на Каспии советская флотилия добила белогвардейцев и потрепала англичан. Намечился первый успех в установлении отношений Советской России с Афганистаном.

И лишь эмирская Бухара, кровавый режим эмира Саид Мир Алима раздражали и мешали, как «последняя крепость в тылу Советской страны» (Ф. У. Ходжаев) и «караван-сарай для контрреволюционеров, белогвардейцев и мирового империализма» (В. В. Куйбышев). Таково было мнение и бухарских революционеров, и Турккомиссии, особенно ее «военноизбранной» части: М. В. Фрунзе — командующего Туркестанским фронтом, В. В. Куйбышева — члена РВС, Г. И. Бокия — начальника Особого отдела.

Позиция руководства Советского Туркестана по отношению к эмирскому режиму определялась не только классовой солидарностью с бухарскими коммунистами. Заботили практические дела. На территории ханства со времен российской протектората размещались русские крепости в Чарджуе, Керках, Термезе, Кагане. В 1918 году их гарнизоны перешли на сторону Красной Армии, но после «колесовского похода» оказались в Бухаре во враждебном окружении.

В январе—мае 1920 года М. В. Фрунзе трижды безуспешно пытался убедить эмирское правительство снабжать гарнизоны крепостей продовольствием и асстановить телеграфные линии. Но ничего конкретного взамен он не предлагал, а эмир, в свою очередь, настаивал на выводе советского войск. Переговоры зашли в тупик. Правда, эмир не возражал против установления дипломатических отношений, и поблизости от Старой Бухары, в Кагане, открылись полномочное представительство РСФСР (т. е. Турккомиссии) и аналогичная миссия эмирского правительства.

И все же нормализовать отношения никак не удавалось: бухарцы обстреливали советские военные посты, похищали военнослужащих; гарнизоны в ответ захватывали заложни-

ской революции и хивинской революции должны быть приняты правительством во внимание и горький опыт этих революций должен быть использован возможно шире» (ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 73, л. 7—7 об.).

Как видим, подсчет необходимых сил отсутствовал, представление об организационной стороне дела было туманным, собственных сил для осуществления «Плана» у бухарцев явно не хватало. И Фрунзе отложил его реализацию, пометив на документе: «В дело». Но это не означало отказа от военного решения «бухарского вопроса». Напротив, командование Туркфронта в течение июня—июля получило из центра подкрепления, боеприпасы, усилило Аму-Дарьинскую военную флотилию и гарнизоны крепостей в Бухаре, произвело внеочередную мобилизацию.

Обычно утверждается, что именно эмирское правительство а начале 1920 года готовилось к нападению на Советский Туркестан. Вряд ли это соответствует действительности. Прежде всего отсутствуют какие-либо документальные свидетельства: разведсводки Туркфронта вплоть до начала июля совершенно спокойны. Кроме того, эмир (кстати, получивший в России военное образование) не был самоубийцей и не мог не понимать, что силы слишком неравны: 13 тысяч сарбазов эмирской армии с фитильными (!) пушками против 70 тысяч опытных бойцов с современным вооружением и боевой техникой! (Именно такое соотношение показывают подлинные архивные документы 1920 года.)

Поэтому, пока в Туркестане шла усиленная военная подготовка, эмир снарядил посольство в Москву. В его послании на имя наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, датированном 8 июня 1920 года, говорилось:

«В виду закрепления незыблемых уз дружбы между великой Советской Республикой и Бухарским государством, постоянно испытывающим необходимость дружественного обмена мыслями по разным вопросам, я счел за благо и своей обязанностью с открытием нормального [железнодорожного] движения к центру России отправить а Москву чрезвычайное посольство во главе с Мирза-Мехди Ходжаевым, а искренности которого Великая Республика могла неод-

(Из протокола заседания Комиссии ЦК и ВЦИК по делам Туркестана от 3 августа 1920 года).

В августе младобухарцы-революционеры и бухарские коммунисты согласились создать в будущем коалиционное правительство. Вопрос о совместных действиях был решен после бурных дебатов на IV съезде БКП 16—19 августа в Чарджуе (ныне город Чарджоу Туркменской ССР).

Переворот начался 27 августа 1920 года с захвата одного из городов эмирата — Старого Чарджуя. Там была установлена власть Рволюционного Комитета, а затем на помощь двинулись красноармейские части. Их превосходство в боевой технике было ошеломляющим. И уже ко 2 сентября войска овладели Старой Бухарой. Эмир бежал на восток страны, а власть перешла в руки Всебухарского (Центрального) Рволюционного Комитета во главе с Ахмеджаном Абу-саидовым (Хамди) (1889—1937), крупным таджикским поэтом. Образованное правительство — Совет народных назиров, за небольшим исключением, состояло из бывших младобухарцев: председатель и назир иностранных дел — Ф. Ходжаев, назир просвещения — К. Ю. Пулатов, назир земледелия — А. Мухитдинов, назир внутренних дел — М. Саиджанов, назир финансов — У. Пулатходжавв, назир госконтроля — Н. Хусайнов, председатель Чрезвычайной Комиссии (создана 4 сентября после введения чрезвычайного положения в столице) — Ю. Ибрагимов, назир юстиции — М. Бурханов, назир по военным делам — Б. Шегабутдинов.

Средний возраст членов правительства составлял около 29 лет.

«Бухарское государство объявляется независимой Бухарской Советской Республикой... Все земли и посевы, принадлежавшие эмиру, его семье, чиновникам эмирского правительства, крупным землевладельцам и богачам, отныне объявляются достоянием республики... Полностью отменяются взыскиваемые при эмирском правительстве налоги... Старые судебные учреждения упраздняются... Эмирская

армия распускается... Отменяются смертная казнь, избияние палками, телесные и тому подобные наказания, как унижающие достоинство и противоречащие духу свободного народа...» (Из манифеста Временного Реекома Бухарской Народной Советской Республики).

Впереди были 1420 дней Бухарской Народной Советской Республики.

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ

К сентябрю 1920 года перед трех-четыремиллионной Бухарой стояла альтернатива: медленный кризис феодализма с огромным риском превращения страны в английскую колонию либо приход к Ленину, к его партии и государству.

Бухарские революционеры понимали, что в первом случае они вряд ли осуществят даже такое требование, как утверждение «народных представительств», и скорее всего будут уничтожены фанатичными клерикалами.

Идти по второму пути значило выполнить все данные нации обещания, противодействовать политике капиталистических стран, внедрить в сознание общества более передовые, чем младобухарские, общественные идеалы. Этот путь сознательно избрали те, кто сверг монархию в 1920 году.

Смогли бы они сами защитить свою революцию? Вероятно, нет. Собственно Бухарская Армия в середине 1921 года располагала одной бригадой, двумя полками и одной батареей — всего чуть более тысячи человек. Поэтому нет ничего предосудительного в том, что в Бухаре остались советские войска. В сентябре 1920 года там было около 20 тысяч красноармейцев. Год спустя безопасность режима охраняли 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада и полк 1-й Туркестанской стрелковой дивизии. В феврале — июне 1922 года в Бухару из внутренних военных округов РСФСР и Туркестанской республики были переброшены около 2 ка-

бухарских полков» в Бухарской операции было скромным (вопреки утверждениям, распространенным в литературе): отряд Куль-Мухамедова, закончив свою миссию в Чарджуе, вскоре «оказался разогнанным местными туркменами» (формулировка оперсводки штаба фронта). А 1-й Восточный полк (300 бывших дезертиров эмирской армии) лишь осуществлял так называемую демонстрацию, то есть, если пользоваться словами старого русского устава, «перевдвигаясь в виду неприятеля, обозначал свое присутствие». Так что победная реляция Фрунзе в Москву: «Крепость Старая Бухара взята... соединенными усилиями красных бухарских и наших частей» — в отношении «соединенных усилий» отражала скорее перспективу.

Меры к созданию собственно бухарской армии принимались с первых дней существования Бухарской республики: 5 сентября 1920 года Туркфронт передал назирату военных дел 2 полка, батальон и артбатареею, чтобы затем набрать добровольцев и довести численность формируемой армии до состава бригады. Но уже 6 октября военный назир доложил, что добровольцев недостаточно для укомплектования армии (т. е. бригады). 30 декабря Совет назиров постановил призвать в армию 2 тысячи человек. А уже 1 февраля 1921 года пришлось сформировать специальную Центральную комиссию по борьбе с дезертирством. И еще долго наличных войск республики едва хватало для караульной службы в столице.

Между тем вооруженная сила потребовалась новой республике сразу же, поскольку победа, достигнутая в Бухарской операции, не была окончательной. Бежавший из осажденной столицы эмир обосновался в Гиссарском бекстве Восточной (горной) Бухары и вскоре поставил под ружье до 15 тысяч человек. С середины октября 1920 года В. В. Куйбышев, назначенный полпредом РСФСР в Бухарской республике, торопил командование Туркфронта с организацией военной экспедиции против эмира. Ее снабжение возлагалось на Всебухарский ревком, то есть на население. С неизбежной последовательностью страна, втягиваясь в гражданскую войну, вступала и в полосу хозяйственной политики «военного коммунизма», массовых реквизиций.

валерийских дивизий, 3 стрелковых бригад, 5 артиллерийских дивизионов, 4 бронепоезда, 3 бронепоезда и авиаэскадрилья. Как видим, власть опиралась на серьезную военную помощь.

Происходила ли в республике «насильственная большевизация»? Как относился сам народ Бухары к помощи Красной Армии? Вновь обратимся к документам.

«...Все информаторы единодушно говорят о неслыханных эксцессах, производимых большевиками, как во время захвата Бухары, так и по установлению там Советской власти. Вот главные из них: поджоги... употребление мечетей в качестве конюшен для кавалерии, употребление священного Корана на свертывание сигареток для красноармейцев, воспреещение публичного мусульманского богослужения, убийство и заключение всех сколько-нибудь влиятельных граждан и купцов, массовая конфискация товаров, срывание с женщин чадры...» (Из статьи в калькуттской колониальной «Цивил энд милитери газет». 2 февраля 1921 года).

«Общность интересов побудила бухарский народ... объединиться с Советской Россией... Бухарское правительство считает долгом опровергнуть инсинуации английских империалистов...» (Из ноты протеста Бухарской республики в связи с публикацией в «Цивил энд милитери газет». 6 марта 1921 года).

«Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика безоговорочно признает полную самостоятельность и независимость Бухарской Советской Республики со всеми вытекающими из такового признания последствиями и на вечные времена отказывается от тех прав, которые были установлены в отношении Бухары российским царизмом... Для защиты независимости обеих советских республик от непрерывных покушений на самое их существование со стороны мировой буржуазии и ее агентов обе договаривающиеся республики обязуются оказывать друг другу взаимную поддержку». (Из «Союзного Договора между РСФСР

На этот раз военная «экспедиция» вроде бы увенчалась полной победой: войска эмира рассеяли, сам он бежал в Афганистан. Осознание просчетов пришло позднее. Предоставим слово документам:

«Гиссарская экспедиция, имевшая цели исключительно военного характера, оправдала себя: скверно вооруженный противник не мог принять ни одного открытого боя... Но были тяжелые картины восстаний, за которыми следовали тысячи жертв невраждебным нам туземцам... несознательно поддавшимся яду фанатизма. Даже восстаниями нельзя назвать эти бешеные порывы, т. к. последние зависели не столько от противосоветской агитации... сколько от исторического развития страны. ...Разве следы разрушения, оставленные позади от Старой Бухары до Афганской границы, при отсутствии закрепления каждого шага путем хотя бы искусственного насаждения пролетарской власти могут оказать влияние на забитое, замученное не одним десятком лет жесточайшей деспотии население Бухары? И разве можно отсутствие аласта на местах принять за явление, диктуемое законом революции? ...Та власть, которая есть в Бухаре, доверием населения не пользуется, и если не слышно открытого ропота и недовольства, то чувствуется сдержанная озлобленность... Как бы некультурны туземцы ни были, угрозу они видят не в советских органах (т. е. ревкомах), а в вооруженной силе, и это обстоятельство роняет в их глазах авторитет власти.

...Местная власть, с одной стороны, сознает свою опору в лице Красной Армии, но с другой, имея органически-родственную связь с населением, сторонится параллельно с нею работающим политоргано Красной Армии... Всякое начинание, подказанное ревкомам, ими тормозится». (Из доклада начальника политотдела экспедиционного корпуса в политуправление Туркфронта 19 апреля 1920 года. ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 12, л. 50—51.)

«Население... до Аму-Дарьи досего времени не осведомлено о Советской власти. Революционный переворот в Бухаре почти не затронул широких масс дехканства. Земельный вопрос

и БНСР» от 4 марта 1921 года, подписанного Г. Чичериным, Л. Караханом, М. Мансуровым, Р. Мухамедовым, Р. Абдуллабековым).

Конечно, нельзя утверждать, что присутствие советских войск поддерживалось в республике полностью и безоговорочно. Бывало и так, что даже руководство, в частности сам Ходжаев, требоало постановки вопроса о выводе русских солдат. Кишлаки в Восточной Бухаре — основном месте дислокации — не располагали запасами продовольствия, да и не всегда можно было получить жилье — казарменные помещения; насильственная экспроприация правительством всего, что требовалось для войск, вызывала недовольство со стороны населения. Положение республики не было стабильным. В ноябре 1920 года эмирские войска заняли важнейшие стратегические пункты Восточной Бухары — Байсун, Дербент, Ширабад. В районе Шахрисябза и Китаба вспыхнули антисоветские мятежи. Шестого апреля 1921 года, пользуясь отсутствием Ходжаева (он участвовал в работе Исполкома Коминтерна, рассматривавшего вопрос о приеме Бухарской Компартии в эту международную организацию), правительство республики приняло решение об «уходе русских войск, с оставлением для защиты страны необходимой части». Летом 1922 года на жизнь Ходжаева было совершено покушение. В августе удалось предотвратить попытку государственного переворота.

Обосновавшийся сначала в Душанбе, а затем в Кабуле свергнутый монарх Саид Мир Алимхан (1886—1946) стремился к восстановлению своей власти:

«Эмир послал в Кашгар миссию во главе с одним из министров, бежавшим вместе с ним. Миссия доставила письмо... В нем эмир рассказывал о свержении его большевиками и о своем бегстве, и попросил включить в состав Британской империи свое государство, которое он отдавал безоговорочно а нашв распоряжение». (Из письма генерального консула Британии в Кашгаре Эссертон).

Вывода советских войск требовали и другие главы басма-

остался неразрешенным. Население по-прежнему в полной зависимости от ставленников эмира, его чиновников и агентов. Бегство эмира в Афганистан заставляет население недовольство относиться к красным войскам, к организационным начинаниям совработников. Население темное, фанатичное, забитое, привыкшее к ранее совершавшимся частым династическим переворотам, ждет возвращения эмира... Войско эмира не разбито, не уничтожено, оно только под давлением наших отрядов рассыпалось и рассосалось по кишлакам и в любую минуту может быть снова организовано...» (Из донесения политотдела Бухарской группы войск Туркфронта 15 апреля 1920 года. ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 640, л. 5,7.)

Все армейские политработники давали однозначно низкую оценку деятельности местных органов власти Бухарской республики.

Общую тяжелую обстановку показывает сводный отчет политуправления Туркфронта от 15 июля 1921 года: «Боевая подготовка красноармейцев 1-й кавдивизии хорошая. Все красноармейцы — оренбургские и семирекенские казаки, в большинстве служившие в старой армии. На настроение влияет долгое пребывание в диких степях Восточной Бухары, недостаток обмундирования, ненормальное снабжение, климатические условия... Дисциплина в частях совершенно отсутствует, все части пропитаны партизанским духом... Из 2-го кавполка под давлением красноармейцев сбежал военком. Этот же полк вынес постановление перебить весь командный и комиссарский состав; призыв встретил живой отклик среди красноармейцев других частей. Мародерство и насилие — обычное явление...

Снабжение частей всеми видами довольствия самое плачевное, и в дальнейшем нужно ожидать еще худшего... Частям часто приходится самоснабжаться. Население близлежащих кишлаков добровольно продуктов и фуража не дает, т. к. опродкомдив задолжал населению около 100 миллионов, и, таким образом, приходится брать силой, вследствие чего иногда происходят вооруженные восстания» (ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 71, л. 38—39).

Можно понять сарказм начполитотдела Гиссарской экспе-

революционной братской помощи бухарскому народу... с рассветом 29 августа начать активные действия» (там же, с. 550).

ПОБЕДЫ ПОЛНЫЕ И НЕОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ

На рассвете 29 августа 1920 года (в точном соответствии с директивой командования Туркфронта, дополненной личным устным приказом командующего) отряд туркменских всадников под командованием Куль-Мухамедова захватил Старый Чарджуй и тамошнего бека. Сформированный тут же ревком немедленно, как и было условлено, запросил поддержку у командования Туркфронта. Началась Бухарская операция.

Вспомним наименее известное: при штурме Старой Бухары сильно пострадали население и укрывшиеся в городе жители окрестных кишлаков. На третьи сутки непрерывного обстрела и бомбардировок на улицах Старой Бухары, по свидетельству пленного, «убитых накопилось так много, что даже тела не успевали убирать». А руководитель штурма Г. В. Зиновьев докладывал, что «город значительно пострадал, главным образом от пожара», дополняя: «был грабеж дворца эмира, разграблено много золота».

Я упоминаю это не для того, чтобы посмаковать подробности или бросить тень на честное имя участников штурма, шестьсот из которых легли у стен города. Грабителями были действительно «немногие укрывавшиеся в бою прохвасты». Важно другое: военная победа не увенчалась столь необходимой тогда моральной победой Красной Армии, хотя она и пришла в Бухару с лозунгами братства и справедливости. «Изддержки» военных действий неизбежно дали нежелательный эффект, они стали поводом для раздувания антирусской пропаганды. К сожалению, как мы увидим, этот «побочный эффект» еще долго не удавалось изжить. А ведь армия Бухарской республики существовала лишь номинально и обеспечивалась вооруженной поддержкой власти целиком легло на Красную Армию.

Неудача в деле создания бухарской революционной армии наметилась с первых же дней. Поэтому участие «красно-

чви — Мухаммад Ибрагимбек (он собрал почти пятнадцать тысяч басмачей и бывший военный министр младотурок генерал Энвер-паша. Они привлекли на свою сторону тех, кто был недоволен левацкими перегибами республиканского режима.

«Наряду с кадрами организованного басмачества... выступает уже новый социальный слой дехкан — чисто трудовой элемент населения, вступавший в борьбу против русских и новых бухарских властей...»

В продолжение двух часов я старался убедить собравшихся старейшин в искренности и дружественных намерениях, а необходимости признания ими правительства БНСР, а невозможности вывода войск до полного успокоения края и пр. Басмачи, соглашаясь в некоторых отношениях со мной, все определеннее требовали ухода русских войск из Душанбе, добавляя, что «мы сами, может быть, и без войны договоримся с народом и правительством Западной Бухары (т. е. правительством Файзуллы Ходжаева.— Аат.)». К этому старейшины опять добавляли о своем неуклонном намерении асстанавления эмира или кого-нибудь из его родственников». (Из записок Генерального консула РСФСР в Душанбе Нагорного. Декабрь 1921 — апрель 1922 года.)

В августе 1922 года III курултай народных представителей принял решение создать собственную Бухарскую Красную Армию. Специально для борьбы с басмачами в Бухару послан Главкомандующий Вооруженными Силами РСФСР С. С. Каменев. (Его деятельность позднее была отмечена орденом Красного Полумесяца 1-й степени Бухарской Народной Советской Республики.) Однако за весь четырехлетний период существования Бухарской республики басмачество не было уничтожено.

Бухарская республика стала первой на Востоке страной, где начала осуществляться политика национального примирения: отказ от вооруженной борьбы и кровопролития в отношениях с басмачами; представитль-

ство всего народа в политической структуре и экономической жизни; прекращение преследования за прежнюю политическую деятельность, всеобщая амнистия; уважение к исламу.

«Распространенные среди басмачей мнения о политической линии, антирелигиозной и экономической политике правительства следует искоренять, то, что не соответствует психологии народа, следует подвергать реформе, сохраняя при этом революционные принципы политики...»

Немедленно выплатить населению всю задолженность за продовольствие и другие предметы, а также ранее различными путями у населения». (Из материалов III Чрезвычайной сессии ЦИК БНСР. 20 февраля 1922 года.)

«Объявить амнистию всем гражданам, насильно принужденным бежать с басмачами, и возратить им отнятое или конфискованное у них имущество». (Из протокола заседания Президиума ЦИК БНСР. 17 марта 1922 года.)

«...Почаще... осваивать сущность переживаемого момента, переход от непосредственной вооруженной борьбы к борьбе экономической...» (Из постановления объединенного заседания ЦИК и Совета Народных Назиров. 23 декабря 1922 года.)

«...Центр тяжести перенести на разъяснение населению сущности и природы басмачества и его действий, разрушающих народное хозяйство, превращающих целые кишлаки в кладбища... Нужно добиться того, чтобы дехканам видел в красноармейце действительного своего защитника... Урегулировать вопрос со снабжением частей Красной Армии продовольствием, прекратить раз и навсегда их самоснабжение за счет населения... Отказаться от резких действий по отношению населения... соблюдать особую осторожность в подходе и при разрешении вопросов, сопряженных с бытом и религией». (Из резолюции IV курултая Бухарской Компартии. 19 января 1924 года.)

Эти меры давали ощутимые результаты. Только в течение января — февраля 1923 года в Западной Бухаре сложились оружив триста басмачей и семнадцать главарей мелких

диции: «Население... не будучи способным... усвоить тонкости восточной политики, бежит. Бежит в Афганистан...» «Нет, не было и не будет прочного успеха при политике военной, — заключал он, — если на задворках остается экономическая основа борьбы».

Но осознание того, что разрушенное экономическое равновесие нельзя восстановить оружием, пришло к политическому руководству Туркестана и лидерам Бухарской революции не сразу. Потребовалась радикальная смена состава Туркбюро и Турккомиссии (решением Политбюро ЦК РКП(б) от 14 октября 1921 года), чтобы начался отход от исключительно военных методов.

И тут со всей очевидностью выяснилось: малочисленные и слабые местные ревкомы, назначенные центром и в большинстве оторванные от населения, не могли служить опорой для проведения земельно-водной реформы. Взять средства для экономической помощи районам, опустошенным войной, неоткуда. Вести необходимую разъяснительную и просветительную работу почти некому. В лучшем случае ограничивались очередным митингом с такой, например, резолюцией: «Да здравствует наш мировой пророк Ленин, ЦК партии, III Интернационал!» Но что даст лозунг на фоне широко развернувшегося «самоснабжения»? Положение дехкана ухудшилось из-за неупорядоченного (экстренного) взимания налога, запрета частной торговли (а другой не было!) и т. д. Отмена шариатского суда и старых школ, конфискация церковных имуществ воспринимались как посягательство на ислам.

Наконец, произошло то, чего так опасались еще в 1920 году: ферганские басмачи установили связь с басмачами, появившимися теперь и в Бухаре. Консолидацией их сил под знаменем «священной войны за ислам» занялся известный панисламист, бывший военный министр Турции Энвер-паша. В Восточной Бухаре, где с новым ожесточением вспыхнули

бою, пришлось вводить чрезвычайный режим «диктаторской комиссии». И лишь весной 1924 года кое-где в Бухарской республике стали появляться выборные (то есть собственно советские) органы власти. Но дни Бухарской Советской Республики были уже сочтены.

Революционная власть в Бухаре, вынужденная с самого начала опираться на помощь войск Туркфронта, зачастую воспринималась населением как чуждая. Создавалась почва для успеха контрреволюционной пропаганды, отряды басмачей пополнялись обманутыми и даже беднотой, пострадавшей от реквизиций. Один за другим вспыхивали мятежи. Для их подавления вновь и вновь обращались к вооруженной силе. Вырваться из этого порочного круга самостоятельно, за счет собственных скудных средств и при отсутствии прочной и широкой социальной базы революционный режим Бухары не мог. Для удержания власти требовалась постоянная помощь извне. Очень быстро, к 1923 году, численность войск Красной Армии в Бухаре возросла с 3 до 30 тысяч человек, в то время как бухарских красноармейцев насчитывалось всего 400.

Кризис неизбежно проявился и в фактически непрерывных междоусобных конфликтах в руководстве. Формально объединившись 11 сентября 1920 года в Бухарскую компартию, бухарские коммунисты (они заняли все посты в высшем органе власти — Всебухарском ревкоме) и бывшие младобухарцы (получившие места в правительстве — Совете Назиров), по сути, не нашли общего языка для выработки единого политического курса.

Ф. Касымов и Б. Эргашев упоминают в своей статье об осуществлявшейся в БНСР «политике национального примирения». Речь идет, видимо, о тех мерах, которые предусматривались постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 18 мая 1922 года «О туркестанско-бухарских делах»: возврат вакуфных (церковных) земель, легализация шариатских судов, ам-

шавк; практически ликвидировано басмачество левобережья Вахша.

К 1922 году республиканский режим взял курс на более свободное развитие частного предпринимательства. В стране действовало около тридцати крупных торговых фирм, каждая с капиталом около 20 тысяч золотых рублей. Причем средства этих фирм превышали основной фонд национализированных промышленных предприятий, а ежегодная прибыль исчислялась суммой в 800 тысяч рублей.

Первые результаты сулили реальные перспективы преодоления разрухи, возникшей во время гражданской войны. Замвто было движение в культурной сфере. Один за другим открывались институты, первый Государственный театр, первое собственное почтово-телеграфное агентство, начали выходить газеты, журналы, создан первый Государственный музей и первый в регионе кинотеатр. Бухарских студентов отправляли учиться в вузы Советской России и Германии.

Но несмотря на достигнутые успехи, существование Бухарской Народной Республики оказалось недолгим. В сентябре 1924 года V Всебухарский курултай Советов БНСР принял такое решение:

«Бухарская Народная Советская Республика объявляется Бухарской Советской Социалистической Республикой.

Выражая волю народов Бухары, объявляем согласие на образование совместно с узбеками Туркестана и Хорезма — Узбекской Советской Социалистической Республики... Курултай решительно устанавливает необходимость вхождения Узбекистана... в СССР».

Принято утверждать, что такого быстрого развития событий требовали сложившиеся международные условия. Возможно, это так. Но есть и другое мнение — что Бухарская Народная Советская Республика не пришла по вкусу самому Сталину. Для задуманной им быстрой «спайки» наций необходимы были многонациональные государственные образования,

нистия части басмачей. Но на деле все нередко сводилось к временному успеху переговоров с басмачами. Руководители республики так и не сумели предложить и отстаивать реальную альтернативу политике «советизации» — реформ по унифицированному усредненному образцу, без учета национальной и социальной специфики.

Фракционная борьба обескровливала руководство республики. О том, как шел этот процесс, дает представление самый краткий «мартиролог»:

А. Мухитдинов — бухарский коммунист, председатель Всебухарского ревкома, высказывался за самостоятельность дипломатических связей БНСР, вывод войск Красной Армии; в августе 1921 года отстранен от государственной деятельности.

У. Пулатходжаев — младобухарец, первый председатель ЦИК Советов БНСР; в декабре 1921 года перешел на сторону Энвер-паши.

Куль-Мухамедов — уже упоминавшийся командир первого национального формирования армии БНСР; не желая воевать против басмачей, в 1922 году эмигрировал в Афганистан.

А. Арифов — коммунист, член Всебухарского ревкома, с 1921 года — военный назир; в марте 1922 года перешел к Энвер-паше.

Н. Хусаинов, Х. Алиев, Х. Ибрагимов, М. Ахмедов, С. Юсупов, А. Акчурин — большинство членов ЦК БКП, избранного в августе 1920 года; возглавили группу так называемых «левых коммунистов», а ее разгоне в мае 1922 года в качестве представителя ЦК РКП(б) принимал участие Г. К. Орджоникидзе, который впоследствии недоумевал, «почему всех их вообще считали коммунистами».

И. Агдаров — один из первых организаторов БКП; в 1922

а этому условию Бухарская республика не отвечала. Да и социальный состав правительства Файзуллы Ходжаева наверняка мог показаться будущему «вождю всех народов» «дурным примером».

Кроме Ходжаева, бывшего и первым премьером Узбекской республики, жертвами сталинских палачей, тюрем и лагерей стали многие из тех, чьи имена неразрывно связаны с сентябрьским переворотом 1920 года: первый председатель Бухарской компартии Наджиб Хусейнов; занимавший тот же пост в 1923 году Абдулло Рахимбаев; первый нарком финансов Узбекистана Карь-юлдаш Пулатов; первые узбекские и таджикские профессора Абдурауф Фитрат, Муса Саинджанов и Аббас Алиев; известные литераторы той поры Саид Ахрори и Ахмеджан Абусаидов (Хамди); видные партийные и советские работники Узбекистана Абдурахим Юсуф-заде, Рахматулла Музаффаров, Атаходжа Пулатходжаев и многие другие. Не будет преувеличением сказать, что тридцать седьмой год стал трагедией для всего цвета бухарской интеллигенции.

Живыми из сталинских лагерей удалось выйти Карь-юлдашу Пулатову и Аббасу Алиеву. В 1965 году Военная коллегия Верховного суда СССР восстановила доброе имя Файзуллы Ходжаева.

Несмотря на условность такой постановки вопроса, нельзя не задуматься: если бы Ленин по-прежнему здравствовал после лета 1923 года, как бы все пошло дальше? Наверное, руководителям независимого государства вряд ли поставили в вину их интерес к интенсивным внешнеэкономическим операциям и стремление к экономической самостоятельности, к свободному предпринимательству, кооперации и акционерным обществам. Вероятно, не было бы такой спешки с национально-территориальным размежеванием. А лидеры сентябрьского переворота продолжали бы жить, отыскивая свой путь в истории.

Но все произошло иначе. И правду о Бухарской революции стало возможно сказать почти через семьдесят лет.

году скрылся после подавления попытки переворота, в которой участвовал вместе с другими «левыми коммунистами».

А. Ходжаев — младобухарец, полномочный Совет Назиров по Восточной Бухаре, выступал против «советизации» и за вывод Красной Армии; отстранен от государственной деятельности в 1923 году.

А. Фитрат — идеолог младобухарцев, затем член ЦК БКП, назир просвещения; обвинен в злоупотреблениях и отстранен от государственной деятельности в 1923 году.

Неоднократные «чистки» БКП и, следовательно, государственного аппарата республики (операции эти велись с участием представителя ГПУ Г. Агабекова, о чем он поведал в своих «Записках чекиста») разрушали с трудом создававшиеся центральные и местные административные структуры республики.

До конца своего существования Бухарская республика так и не смогла добиться серьезных успехов в решении стоявших перед ней проблем экономического, государственного и культурного строительства. Усугубились давние противоречия между центральной (узбекской) Бухарой и ее восточными и северными районами (с соответственно таджикским и туркменским населением), где не утихала гражданская война.

19 сентября 1924 года БНСР вошла в состав СССР, 27 октября перестала существовать: ее территорию поделили вновь созданные Узбекская, Туркменская и тогда еще автономная Таджикская республики. Нерешенные проблемы поделить было нельзя: они остались общими.

Осознание невозможности решить эти проблемы военно-коммунистической атакой, несомненно, сыграло свою роль при выборе путей последующего развития Советской Средней Азии. Но в ином, более широком значении уроки «бухарского эксперимента» были, видимо, прочно забыты.